

Юлия Нифонтова

БРАТОВА И КУРИШНЫЙ БОГ

Министерство культуры Алтайского края
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова

Юлия Нифонтова

БРАТЮШКА ДОБРОДЕШ И КУРИШНЫЙ БАГ

СКАЗКА

БАРНАУЛ
2021

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4
Н-698

6+

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Нифонтова Ю. А.

Н-698 Ермошка Добродей и куриный бог: : сказка / Юлия Нифонтова ; Министерство культуры Алт. края, Алт. краев. универс. научн. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2021. – 160 с. : ил. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

«Ермошка Добродей и куриный бог» – третья часть книжной серии о приключениях девочки Оли и её лучшего друга – домовёнка Ермошки. (Первая часть: «Ермошка Добродей и волшебные часы. Вторая часть: «Ермошка Добродей и заколдованная кукла»). В этой книге героям вновь предстоит пережить массу захватывающих приключений в мире, полном духов крестьянского подворья: сарашников, скарбников и др.

Действие развивается в Сытный день, что считается у дворовых духов общими именинами. Под горячую руку разгулявшегося дворового Чурая попадает заносчивый отчим героини, и ей приходится учиться состраданию к нелюбимому родственнику. Чтобы выручить его, Оля и Ермошка заключают с озорными духами двора опасное магическое пари.

Необыкновенные похождения героев сказки будут интересны как детям младшего школьного возраста, так и их родителям.

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4

ISBN 978-5-98550-539-9

© Ю. А. Нифонтова, 2021

© А. И. Ермолович, иллюстрации, 2021

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2021

ЕРМОШКА ДОБРОВОДЕЙ И КУРИНЫЙ БОГДЕЙ

ПОСЛЕ МОРЯ

Глава первая, в которой Оля возвращается домой после отдыха на море с удивительной находкой...

– Ну, и чего там, на море-то? – в который раз бабушка принималась выпытывать у Оли новые подробности летнего путешествия в Крым.

– Нормально, – неохотно тянула внучка, отводя взгляд.

– Это что ж такое? Чего ж тогда весь народ гуртом туда ездит? Нормально – это у нас в доме нормально, ни жарко ни холодно. А там, поди, как в сказке, – мечтательно продолжала допытываться бабушка, – какое оно, море? Водичка-то, поди, тёплая, как парное молоко, а?

– Нормальная, баб, вода как вода, только шибко солёная, – пыталась завершить надоевший допрос внучка.

Бабушка не отставала:

– Ну, и чего этот новый папка-то? Как он тебе, а?

Этого вопроса Оля уже стерпеть не могла и, пробурчав себе под нос что-то типа «да вообще никак», стремительно скрылась в своей комнате.

Девочке вовсе не хотелось обижать добрую бабушку, которую она любила всей душой, но вопросы о «новом

папе» не только злили, но и, казалось, обжигали её изнутри. Если до поездки она просто терпела редкие моменты присутствия неприятного чужого человека, то после более близкого знакомства поняла, что уже не может переносить надменного лощёного Колясика, как сладко называла его мама.

Порой Оле казалось, что она ненавидит его гораздо больше, чем двух злобных и по-настоящему опасных колдунов, обитающих в старом сарае. Она не могла спокойно слышать даже упоминания о Колясике: сразу перед глазами возникала круглая самодовольная физиономия этого противного вальяжного детины, манерами и голосом напоминающего кота Матроскина из известного мультлика.

Острые иглы ревности кололи девочку в самое сердце при одном лишь воспоминании о том, как заискивающе, словно бездомный котёнок, мама ловит взгляд ненавистного Колясика, скрытый за туманными стёклами очков. Именно он, этот пришлый невесть откуда щёголь, разлучил их с мамой. Из-за него Оля так много страдала и плакала. Он виноват в том, что задурил маме голову, и она, бросив их с бабушкой, ушла жить к нему в далёкую неприступную многоэтажку.

Поначалу Оле даже понравилось – новый мамин муж не сюсюкает с ней, будто с младенцем, как многие другие взрослые. Но вскоре она поняла, Колясик вообще совершенно равнодушен ко всему на свете, кроме своих любимых гаджетов. Его глаза, цвета жидкого студня, зимой и летом прятались за тёмными очками, смотрели на мир с неизменным презрением.

Поездка на море, которая по маминому замыслу должна была сблизить их и превратить в благополучную и полноценную семью, напротив, рассорила всех окончательно. Между Олей и Колястиком словно разверзлась бездонная пропасть. Их с мамой маленькой семье так и суждено было остаться «неполной».

Это страшное словосочетание «ваша неполная семья» Оля слышала от одной маминой подруги, ярко накрашенной тётеньки, и тогда это прозвучало как «неполюценная». Оля не хотела, чтобы ее, маму и бабушку считали плохими или какими-то ущербными, поэтому изо всех сил пыталась угодить маме.

В течение всей поездки Оля с тоской наблюдала, как мама вьётся перед надменным чужаком, пытаясь во всём ему угодить, изо всех сил сглаживая острые углы в их отношениях. Колясика же больше занимали онлайн-игры и общение в чате. Однажды вечером Оля не выдержала и сказала напрямую: «Мама, зачем так унижаешься перед этим, разве ты не видишь, что он любит свой смартфон гораздо больше тебя!» После этой фразы, вырвавшейся в запале, все заметно смутились. Колясик даже оторвался от вечного шныряния по виртуальным просторам и, неопределённо хмыкнув, промолчал. Лишь мама испуганно тряхнула дочку за плечо и в отчаянии вышла прочь.

Видимо, по этому поводу у мамы с её новым мужем всё-таки состоялся неприятный разговор, и на следующее

утро Оля с мамой отправились на пляж вдвоём, без Колясика. К слову, Олю это совершенно не расстроило, чего нельзя было сказать о маме. Она словно превратилась в царевну Несмеяну, а Колясик потом то и дело зыркал уничтожающе, словно хотел сказать, что именно она, Оля, – причина всех бед и разладов в семье.

Девочку теперь было бесполезно пугать недобрыми взглядами, она уже была не та маленькая доверчивая малышка, как прежде. Оля помнила, что противостояла свирепым *духам*-колдунам, которые, кстати, по сей день обитают повсюду, и не только в ярких фильмах, а на самом деле.

Окончательно мамины надежды на примирение рухнули, когда Оля вовсе отказалась общаться с «чужим дядькой» и решила навсегда остаться жить с бабушкой.

Но никакие семейные распри не смогли омрачить радости знакомства с морской стихией. Оля с восторгом плескалась в накатывающих пенистых волнах, а иной раз, нырнув в солёную воду, пыталась открыть глаза, чтобы получше рассмотреть дно и парящих в мутном тумане кружевных медуз. Порой ей удавалось обнаружить обломки ребристых ракушек и обглоданные морем до размера неровных прозрачных бусин стекляшки, сквозь которые можно было смотреть на солнце и проплывающие на горизонте парусники.

Главным морским трофеем стал найденный на берегу маленький серый камушек с дырочкой посередине, обрамлённой белой слюдяной полоской. Оля нашла его совершенно

случайно, можно сказать, что камушек сам её нашёл. Завалился в карман, наверное, из той пригоршни морской гальки, брошенной на платье, чтоб не унёс ветер. Показав маме неожиданную находку, Оля была не готова к такой бурной реакции:

– Это же куриный бог, – громко закричала мама, всплеснув руками. На минуту Оле показалось, что мама расколдовалась и забыла о своём несмеянстве. – Теперь нужно срочно загадать желание и носить его как кулон.

Позже Оля полюбила подолгу внимательно рассматривать волшебный камень, но вот с желанием не спешила.

Слишком много разных задумок, одна важнее другой, роились в её голове.

За время короткого путешествия на морское побережье в бабушкином подворье произошли большие перемены. Во-первых, бабушка завела кур, а во-вторых, во дворе появилась большая красивая будка, а в будке теперь проживал белый кудрявый щенок Куська. Бабушка объясняла необходимость обзавестись собакой просто:

– За курочками-то ведь догляд должен быть. А тут всё ж таки какой-никакой сторож. Затявкает на ворюгу, тот и поостережётся во двор соваться.

Но охранник из щенка оказался никудышный, мало того что он был скромным и робким, так ещё и куры его обижали, клевали, норовя попасть острым клювом прямоком в нос. А тут прицепилась к нему ещё одна напасть – стала с левой стороны шерстка скатываться да лезть, оголяя розовый бочок.

Всё бы ничего, да обнаружила бабуля страшное преступление, что сотворилось перед самым носом сторожа-недотёпы. Кур-то подменили! Грешила хозяйка на сварливую и завистливую соседку:

– Наши-то курочки были крепеньки, гладеньки. Не куры, а барыни! А у Андревны – заклюки недокормленные, все грязные, растрёпанные. А теперь что?! Глянь, вместо пары моих красавиц ходят две какие-то замарашки. И где он, скажите на милость, был, этот сторож кучерявый? Куда

смотрел, когда кур моих родных подменяли? Поджал, поди, хвостик и дрожал в будке, не тьякнул даже. Ох, выкину я его! Ох, выкину!

Оля знала, что бабушка добрая, однако если уж осерчает – то всё! Вполне может осуществить обещанные угрозы. Щенка до слёз жаль, но она не знала, чем ему помочь.

Домовой Ермошка, что перебрался на постоянное житьё в Олину комнату и обитал теперь в большом дубовом шкафу, зорко наблюдал за происходящим, давая всему свои бескомпромиссные объяснения:

– Да и как етот Куська, смирёный да пужливый, может противостоятъ такой здоровенной коровяке – Андревне. Собачонок-то капелюшечный совсем! Дык ещё и дворовой его невзлюбил, вот и гнобит, вон – весь бок повыдергал! Как пить дать – его работа.

– Ермошенька, что ещё за дворовой? И за что он нашего Куську мучает? – обеспокоилась вязаная кукла Варюшка.

– Знамо дело за что, за то что собачонок белой масти, а ето ужо дело известное: не терпят дворовые беляков на своей вотчине. Теперь изведёт животину, анахфема!

– Ой, да что ж это такое! – запричитала кукла Варюшка и в ужасе закрыла вязаными руками круглые глаза-пуговицы.

Оля взяла подружку на руки и прижала к себе, пытаясь успокоить:

– А это точно, Ермоша?

– Да чё тут гадать, уж веками проверено: ежели дворовой не залюбил – всё, считай, пропала животина. Хошь лошадь белая, хошь корова, хошь даже кот – будет издеваться, обижать, пока до смёртушки не доведёт. Ну вот не терпит беляков, и всё тут. Хотите, сегодня ночью проверим. В засаду пойдём.

– Ермоша, а кто это такой – дворовой?

– Да обалдуй один... смотрителем нашего подворья приставлен.

ЗАСАДА

Глава вторая, в которой друзья заключают сделку с дворовым Мураем Калиткиным, который не желает быть товарищем...

Оля с Варюшкой уже видели десятый сон, когда их стал бесцеремонно будить шумливый Ермошка:

– Просыпайтесь, сонные тетери, а то всё добро провороните! В дозор пора!

Выйти из дому не застигнутыми бабушкой оказалось не так-то просто, в ночной тишине половицы скрипели особенно громко, и друзья решили лезть в окно. Но оконные створки не поддавались, и открыть их удалось только с помощью волшебных чар. Ермошка прищёлкнул пальцами, и упрямый старый дом нехотя подчинился хозяину, пропуская заговорщиков в тёмный ночной двор. Под окном лежали старые доски, поэтому Оле не пришлось прыгать в пугающую темноту. Крепко прижимая к себе куклу, она двигалась почти наугад, еле поспевая за торопливым топотом домовёнка.

Засев в высокую траву у сарая, друзья наблюдали, как тихо и мирно дремлет в своей будке щенок. Казалось,

прошла уже целая вечность, а ничего сверхъестественного не происходило. Где-то топилась банька, окуривая округу ароматным дымком. Ласковым тёплым светом мерцали окна домов, за их стенами журчали приглушённые звуки телевизоров. Лишь две неугомонные собаки вяло переругивались на какой-то дальней улице.

Именно теперь, в наступившей сумеречной дремоте, стала очень ощутима непохожесть их местечка на весь окружающий мир. Действительно, этот странный островок

почти настоящей деревни, прозванный в народе посёлком Отселу^ха, располагался практически рядом с центром города – за железной дорогой.

Маленькие частные домишки со всех сторон теснили высотные дома, помпезные супермаркеты, но он не утонул в индустриальном море, а сохранял свою индивидуальность и сельский уклад. Многие отселухинские жители держали хозяйство: кур, уток, кроликов, коз, коров и даже свиней. Словно в подтверждение Олиных мыслей, в соседском хлеву обиженно замычала корова.

– Так, кажись, Чура^й на ночную смену выперся, – шёпотом сообщил Ермошка, легонько ткнув Олю локотком, очнись, мол.

– Кто? Чура^й? – встрепенулась она.

– Брательник двоюродный. Чура^й Калиткин. Местный дворово^й, поставлен на подворную службу под моим началом. Вредный, как анчутка, да ещё и пакостник известный. Любит ветряные вихри по двору гонять. Меня задирать побаивается, дык на мелкой животинке злобность вымещает, гадёныш. Глянь-глянь, во-он он как раз к собачонку направляется.

Оля прищурилась, вытянула шею, но так никого и не увидела, кроме лёгкого шевеления в траве рядом с будкой. Затем она рассмотрела, что около Куськи копошится некий лохматый комок неопределимого цвета, а сам щенок забеспокоился, стал отчаянно рваться с привязи, жалобно поскуливая.

– Ишь, каков охальник! – возмущённо топнул ногой домовёнок и сжал кулаки. – С боку у кутёнка шёрстку рвёт, изгалиицца. А ну, подь сюды!

С этими словами Ермошка щёлкнул пальцами, и в ту же секунду прямо перед ним, словно из воздуха, образовался серый несуразный человечек в потрёпанной кепке. Серыми были не только его мятые брюки, майка и рваный пиджачишко, но и реденькие волосы, и даже кожа. На вид, если бы тот дорос до нормального человеческого роста, ему можно было бы дать лет от тридцати до пятидесяти, а так он напоминал усохшего и состарившегося мальчишку. И хоть дворовой был выше Ермошки на целых две головы, но так сильно сутулился и как-то трусливо приседал, что почему-то казался гораздо ниже домовёнка.

– Ну, что ты, Чурашка, безобразишь? А?! Невинную собачонку беззаконно кнокаешь? – с угрозой в голосе приступил Ермошка вместо приветствия.

После столь сердитого выговора дворовой ещё больше ссутулился и присел так, что казалось, будто он хочет вернуться в землю, как сверло в стену. Он что-то неопределённо блеял и мычал, но Ермошка продолжал наседать на несчастного, требуя немедленного отчёта.

– А ну, отвечать! Негодник бесстыжий!

– Нет, годник и стыжий, – вдруг гнусаво заспорил серенький человечек.

– Ах, ты ещё и пререкаешься вздумал? Ухорез несусветный!

– Сусветный, сусветный! – не унимался Чурашка, всё более сутулясь от сердитых слов, как от ударов.

– А ну не перечить, когда тебя старшой спрашивает! – сердился Ермошка.

«Надо же! – удивилась Оля. – Ну, какой же домовёнок – старшой? Этот помятый дядечка раз в пять по годам старше Ермошки, да и ростом значительно выше. Это ж всё равно, как бы первоклассник командовал физруком!» Но допрос с пристрастием продолжался, из чего явствовало, что главный в паре именно домовёнок. Чура^ай пристыженно топтался на месте, жамкая в руках свою и без того измятую кепку, и казалось, чрезвычайно смущён, как вдруг неожиданно громко взвизгнул:

– А вот чё всё Чурашка да Чурашка?! Развели беляков цельный двор, плюнуть не в кого! Одних кур два десятка, дык ведь нет, мало им энтого, оне исчо и пса завели! Белее снега, ни единого серого пятнышка! И вообще, не должен я тут перед вами отчитываться!

– Чево-о? – гневно протянул Ермошка.

Боевой пыл дворового тут же угас, он сник и скукожился. Но в оконфуженном состоянии продержался лишь несколько секунд, а затем снова встрепенулся, словно драчливый петушок-подросток:

– А ничего! Я вам дворовик, а не ком с горы! Я свою службу знаю туго! И не перед какими человеческими девчонками доклад держать не обязан! Я с человеческим

родом отродясь не знался и дружб не заводил. Не запятнан. Чист перед нашенским обчеством! Не то что некоторые тут... начальнички.

После бурного протестного выступления Чур^ай словно опомнился и, испугавшись неожиданного приступа собственной храбрости, приготовился пуститься в бега: согнулся, словно вор, укравший что-

то и спрятавший за пазуху, заходили желваки по широким татарским скулам, глазёнки забегали. Опередив дворовика, Ермошка повелительно и нарочито спокойно приказал:

– Остолбеней! Спрячь глаза свои простакишные. Сейчас тятя говорить будет.

Чур^ай застыл прямо в воздухе в нелепой танцующей позе. Ермошка задумчиво расхаживал вокруг, заложив руки за спину. Он специально медлил с расправой, и это не предвещало ничего хорошего. Оле даже стало немного жаль нескладного вздорного человечка.

Наконец, насытившись властью над обездвиженным бунтовщиком, Ермошка подозрительно спросил:

– Так что, Чур*ай* Калиткин, говоришь, не запятнан перед обществом? Так ли? А слышал ли ты про новый закон о защите зверья от злобных дворовиков, овинников¹ да сараешников? А?! Отвечать!

– Слыхом не слыхивал, – пролепетал Чур*ай* и побледнел, став из грязно-серого светло-пепельным.

– А знаком ли ты, невежда, с соглашением о мирном сосуществовании ду*х*ов и человек*о*в?

– Ну, знамо дело... энто все завсегда...

– Громче!

– Знаком, – еле выдавил из себя дворовик и с ненавистью в прищуре зыркнул на Олю.

– А кто кому должон подчиняться, ты, надеюсь, помнишь? Отчекань.

– Всякий дворовой прикреплён ко двору всякого дома, находясь в прямом подчинении у ответственного доможи*л*а, и является его младшим помощником. Обязан слушаться того беспрекословно, выполнять всякки поручения и говорить почтительно, – словно молодой солдат отгарабил зазубренный устав Чур*ай* Калиткин.

Оставив подчинённого в подвешенном состоянии, Ермошка повернулся к Оле и Варюшке:

---

¹ Овинник – в традиционных народных верованиях восточных славян дух, живущий в овине (на гумне), оберегающий его и хлеб от всякой напасти, беды и нечисти. Овин – хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьбой.

– Вот даже н-не зн-наю, что с етим олухом и делать? – тихонько зашептал домовёнок, опасливо оглядываясь, не прислушивается ли к разговору **Чурай**.

– Ермоша, ты ж главный. Прикажи ему, пожалуйста, чтобы он моего пёсика не обижал. Ты ведь можешь.

– Приказать-то я ему прикажу. Да ведь это ж такенный жук! Не знаю даже, хто из них зловреднее: **Свирка**, **Кочебор** или етот гражданин **Калиткин**? Он сделает вид, что послушался, возьмёт под козырёк, а втихаря потом, ещё чего доброго, только назло изделает, может **малого** щеня и вовсе со свету извести. Я ж их знаю, отродье подворное. Никакой управы на них нету, оне добра совсем не понимают!

– А вот то, что ты его при Оле так унизил, он никогда не простит, – неожиданно вмешалась в разговор **Варюшка**.

– **Дворовик**, по-моему, вообще всех людей люто ненавидит.

– От одних ненавистников только-только отвязались, а тут – на тебе. Ещё один нарисовался, – расстроилась Оля.

– Так я, кажется, знаю, что предпринять. Приказывать бесполезно: ежели **дворовик** обозлился, ты его хоть убей, будет вредить исподтишка.

– И что же делать? – в голос спросили девочки.

– Будем договариваться.

Ермошка вернулся к висящему в воздухе **Чураю** и, щёлкнув пальцами, опустил того наземь.

– Ну что ж, уважаемый товарищ **дворовик**, претензию мы вашу услышали, обсудили. Понимаем вашу

неприязнь к белым зверюшкам и даже частично... мм... разделяем. Но! Ведь и животинка-то ни в чём не виновата. Как вы рассуждаете, товарищ?

Чуя, что разговор пошёл в нужное русло и теперь можно гнуть свою линию, дворовик приосанился, поставил руки в боки и принялся крикливо поучать:

– А я вам вовсе никакой и не товарищ. По мне, так товарищи – пережиток прошлого. Я сам себе товарищ, мне и самого себя достаточно. Для чего вообще энти товарищи нужны? А я вот понимаю, что товарищ нужен, чтоб тока сэкономить поболе.

– На чём это? – искренне удивился Ермошка.

– Да хоть на столовке, – продолжал наставлять Чурай, – придёшь так, бывало, к товарищу – и подавай мне чаю с сухарями али чего там у него в запасе имеется. На игровой приставке сколь можно сэкономить, идёшь, например, к домовёнку какому-нибудь и режешься с ним в танчики цельну неделю. Я уж не говорю про то, какую кучу деньжищ можно сэкономить на семейном психологе! Вываливаешь на товарища все свои горести, промблемы – и всё! Пуцай он и разгребает, раз уж он – товарищ.

Из всего сказанного Олю удивило не столько невероятная наглость дворовика, сколько то, что ему знакомо понятие «семейный психолог». Однако она не стала вмешиваться в переговоры. Но Ермошка тут же озвучил Олины мысли почти дословно:

– Это уже не товарищество и тем более не дружба, а какое-то использование другого в своих корыстных целях получается!

– Я дворовик дисциплинированный. Ко своему подворью приставлен, сам слуг не имею и никому никаким товарищем тоже быть не желаю! Мне хоть по причине малой должности никого использовать не положено, да и чужого добра – даром не нать, но ежели мне чего дадут, то я и не отказываюсь.

– И чего бы ты хотел? – хитро ввернул Ермошка, прервав торопливую чураевскую белиберду.

– Среди наших дворовых служащих ворюг отродясь не водилось, да вот только среди людишек полным-полно ротозеев. Как тут устоять? Так что ежели, например, я вижу, что обронила кака-то растяпа кусочек съестной, платок носовой али копеечку, то мы энтю расцениваем как нам что ни на есть натуральный подарок, ну типа, штоль, чаевых за службу.

После этих слов Чурай плотоядно осклабился, обнажив щербатый рот, и захохотал резким каркающим смехом. Его смех с отрывистым «э.. э.. э...» можно было принять за приступ сильной икоты.

Со словами: «Ну, всё понятно!» – Ермошка привлёк подруг пошептаться.

– Ну, чего он там? – поинтересовалась Оля.

– Да всё как всегда, юродствует по своему обыкновению. Говорить он может что угодно, но смысл всегда один–

без оплаты ни на какие сделки этот басалай² не пойдёт. Так, давайте посмотрим, у кого что имеется в наличии.

– Может, я домой сбегаю за конфетами?

– Нет, надоть ловить момент и срочно! Я его хорошо изучил, у этого оборотня решения меняются по сто раз в час. Следующего раза может и не случиться. А так я его обещанием свяжу, месяца два можно будет не вспоминать об этом гадёныше.

Общий сбор подати вредному мздоимцу составил: розовый бантик с Олиной косички, пуговка с её же ночнушки, две шерстяные нити, что Варюшка мужественно выдернула из собственной шевелюры, Ермошка поделился пластиком жвачки, двумя леденцами и огрызком красного карандаша. О том, что все Ермошкины богатства совсем ещё недавно лежали на Олином столе, девочки скромно промолчали.

Ермошка преподнёс дань Чурायю, взяв с того магическое слово не обижать и не пугать Куську, хотя сам отлично знал, что действует обещание дворового совсем недолго, однако пару месяцев пёс всё же мог жить спокойно. Собрав улов в свою серую кепку, прохиндей, казалось, остался весьма доволен. С плохо скрываемой презрительной усмешкой — мол, объегорил простаков — Чурай глумливо раскланялся и тут же исчез со стуком чокающихся гранёных стаканов.

---

² *Басалай (устар.) – грубиян, от «баса» и «лай» – «красиво лаяться».*

Лишь на том месте, где только что стоял дворовой, завертелся маленький ветряной торнадо. С минуту покрутив по двору пыль, он присмирел и затаился.

Перед тем как отправиться спать, Оля подошла к Куське. Пёсик лежал, выставив на обозрение больной оголённый бок. На розовой коже были видны крошечные капельки запёкшейся крови. Видя, как расстроена хозяйка, Ермошка поспешно принялся за лечение, вода над ранками ладошкой и приговаривая:

— У собаки злобной заболи,
у кошки вредной заболи,
а у Кусечки-дритатусечки
заживи-заживи-заживи!..

Несмотря на то что заклинание показалось весьма несерьёзным и похожим на глупую детскую поговорку, действовало оно очень эффективно. Ранки затянулись, и на лысом Куськином тельце закучерявилась новая белоснежная кудрявая шёрстка.

ДУРАЦКИЕ ПРОВОЖАЛКИ

Глава третья, в которой Оля готовится к «Осеннему Балу», а голубёнок Ермашка почему-то очень сердит...

Настало первое сентября, которое Оля так долго ждала с трепетом и страхом. Как изменится их с бабушкой тихая размеренная жизнь? Какие ребята в классе попадутся и примут ли её? Опасения оказались напрасными. В новый ритм Оля вошла без проблем, она уже до школы привыкла подолгу сидеть над тетрадками и книжками. Только теперь её за это хвалила не только бабушка, но и самая лучшая на свете учительница, которую все ребята в классе называли Златовлаской за молодость, переливчатый смех, а главное, за золотистые шёлковые локоны.

Дни закружились быстрым хороводом, словно жёлтые листики берёзы на школьном дворе. У Оли появилось две подружки-одноклассницы — Таня и Карина. По утрам Олю и соседского Серёжу отводила в школу его мама, а вот возвращались они обратно (не поверите!) под присмотром Колясика.

Обычно тот дожидался подопечных на школьном крыльце, потом всю дорогу шёл следом, угрюмо выполняя

постылую повинность. Колясик был совершенно лишним, ребята быстро научилась правильно и аккуратно переходить обе дороги на зелёный сигнал светофора. Но, по-видимому, Колясик не мог послушаться Олину маму и каждый раз с плохо скрываемым раздражением сопровождал насмешливых первоклашек, которые над ним же и потешались, шепча друг другу на ухо, едва сдерживая ехидный смех.

«Дурацкие провожалки» тяготили всех. Оля не раз уже просила маму, чтобы та освободила своего «нового мужа» от неприятной обязанности. Но мама стояла на своём: «Ты же знаешь, что я теперь с утра до ночи на работе. А вдруг что-то случится. Терпи хотя бы до весны». Но до весны было ещё очень далеко, несмотря на то что дни и даже недели неслись с невероятной быстротой. Вот, кажется, только начался понедельник, а не успеешь оглянуться – уже пятница, конец недели. Помнится, только вчера Оля стояла на первой в своей жизни школьной линейке с букетом высоченных гладиолусов, а уж и ноябрь повернул к финалу.

Главным событием, занимавшим теперь мысли и мечты всех девочек в классе, был предстоящий «Осенний бал». Мало того, на балу Оле доверили сыграть главную роль – роль самой Осени. По замыслу режиссёра она должна была во время исполнения школьным хором красивой песни выйти на сцену и одаривать детей бутафорскими

фруктами. Осенний наряд готовился целую неделю. Бабушка пожертвовала для бального костюма огромную тюлевую занавесь, которую кроили, сшивали, красили в жёлтые, оранжевые и пурпурные цвета. Твёрдые накрахмаленные юбки придавали платью поистине царский вид. Решено было пустить по подолу осенние листья. Вечерами Оля вырезала из бумаги и раскрашивала кленовые бордовые и золотистые берёзовые листики, а Варюшка нашивала длинную нить из ярко-красных бусин, напоминающих ягоды рябины.

Каждый раз, как только Оля и Варюшка оставались одни, дверца шкафа с тихим скрипом приоткрывалась и в комнату заглядывал любопытный Ермошка:

– Ух ты, справная кацавейка³! Дашь поносить?

Сегодня Оля аккуратно приклеивала готовые листья на подол, а игрушки старательно их приглаживали-придавливали с очень серьёзным видом и осознанием ответственности важного задания.

У Варюшки закончились все яркие бусины-ягодки, и она растерянно держала в руках нить, не зная, что делать дальше, ведь завязать крепкие узелки её мягкими вязаными руками вряд ли бы удалось. Видя замешательство куклы, вредный Крокодилыч, позабытый на пыльной полке серванта, вдруг разразился бурной руладой:

---

³ *Кацавейка (устар.) – русская женская домашняя одежда XIX в., род кофты до колен.*

– Что, красавишна, брульянты закончились? А вы вот повесьте на нитку этот заморский дырявый булыжник, которым меня придавили самым варварским образом, словно мы, крокодилы, – это какие-то кадушки с солёными огурцами. Я вам тут не подставка! И зарубите себе на носу: моё крокодильское самоуважение попрано! – Крошечный керамический скандалист эффектно указал на прислонённый к нему камень – куриный бог.

И хоть зелёный хищник был не больше катушки ниток, его скрипучий голос звучал так громко, что стеклянные фужеры на полке завибрировали.

– А ну, цыть, рептилий! – по-хозяйски осадил Крокодилыча домовёнок. – Раз положён каменюка, значит, его место тут его законное. Не тобой положён, не тебе убирать!

– Дык почему ж его именно на меня-то, скажите пожалуйста, надо складировать? – проскрипел Крокодилыч уже без прежней горячности.

Оля специально прислонила камушек так, чтобы его было видно из любого угла детской, а то, что маленький крокодил, который послужил банальной подставкой, может быть на это крайне обижен, в голову ей как-то не пришло.

– Что он тебе, мешает, что ли?

– Конечно, мешает! Задавите себя каменюкой, если вам так нравится, а мне и без булыжника хорошо жилось. Беспокойство одно от него! Сегодня только-только задремал, глядь: лезет кто-то, и за булыжник хватать! Я ка-ак гаркнул спросонок: кто, мол, здесь? Дык оне сразу – шмыг, и нету. И всё, сон как рукой сняло, такая наглость, это при моей-то бессоннице! Не спишь тут из-за них, страдаешь... а им хоть бы хны!

– Ермоша, – всплеснула вязаными руками Варюшка, – нет, ты вообще дотумкал или нет? Куриного бога кто-то украсть хотел посреди бела дня, то есть ночи... – кукла запуталась и только испуганно таращила круглые глаза-пуговицы.

Воцарилась напряжённая тишина. Паузу нарушила Оля:

– Если камни, исполняющие желания, воруют, значит, это кому-то очень нужно, – и стремительно взяла камушек,

продела нить в отверстие. Смастерив подвеску, надела самодельное украшение на шею. – Всё! Никто больше не покусится на мой волшебный амулет, теперь он всегда-всегда будет со мной!

– У-у... у-у... – с большой долей сомнения ухнула со шкафа почти живая сова Серафима.

Ноябрь выдался удивительно тёплым. «Раньше-то в это время уже снег лежал, а нынче ещё и листики не все облетели!» – частенько удивлялась бабушка. Однако приближение зимы с каждым днём ощущалось острее. Лужи покрылись

ломким льдом, который, чуть подтаяв к полудню, к вечеру появлялся вновь. Ветер становился всё злее и пронзительнее, а уж если зарядит мелкий холодный дождь, то, почитай, на целый день. Унылый серый пейзаж, увы, растерял все яркие краски, и надежды продлить лето растаяли.

Обитатели подворья переходили на зимний уклад жизни. Збигня в своём уютном погребе подсчитывал варенье да соленья нового урожая и наружу, по своему обыкновению, носа не казал.

На студёном дне колодца молодожёны Угрюша и речная русалка Лариса устроились на долгую зимнюю спячку под тяжёлой периной из тины и водорослей. На камне, что служил прикроватной тумбочкой, осталось недописанное колодезником стихотворение:

***

Любимой Ларисе

Твоя прекрасна нежность
и скользота, и зеленота,
а мне дожить свой век охота –
чешуйкой твоего хвоста...

Жизнь во дворе словно замерла. Лишь потомственный банник Баламотя ликовал, ведь в его вотчине не утихал энергичный поток жизни. С наступлением холодов популярность

бани только увеличилась: помывки не только хозяев, но и их друзей-соседей, большие стирки и маленькие постирушки – всё это чрезвычайно радовало и бодрило неуёмную натуру специалиста парного искусства наивысшей квалификации.

Всё было бы ничего, ну, подумаешь, зима! Главное, в школе дела шли хорошо, появились новые друзья, с учительницей повезло, недавно окончились первые в Олиной жизни каникулы, а впереди ждал замечательный праздник.

Да и та, другая, тайная Олина жизнь тоже оказалась не столь ужасной и беспокойной, как представлялось раньше. Уже дважды после летних происшествий Оля обращалась в домового духа. Теперь для этого у неё был свой собственный ритуал, который, конечно, подсказал верный Ермошка. Чтобы обратиться в домовичку, ей нужно было покрутиться сначала в одну сторону, потом в другую, приговаривая:

— Крутится, вертится
Красная девица,
А поворотится –
Станет домовица!

Превращаться позволялось только один раз в месяц и только поздно вечером после заката. Поэтому удалось ей побывать в этом необычном качестве лишь в сентябре и октябре. Во время сентябрьского приключения они с Ермошкой выгоняли мух и избавляли дом от паутины.

Было это гораздо веселее, чем может показаться, потому что домовёнок придумал делать уборку верхом на летающем венике. Оседлав старый бабушкин веник, они гонялись за мухами и сметали паутину даже в малодоступных углах чердака под самой крышей.

Октябрьский опыт домового служения, как теперь именовались её превращения, оказался не таким искромётным. Оле и Ермошке пришлось следить за тем, как мышата утепляют дом на зиму. Маленькие юркие подопечные оказались не только весьма трудолюбивыми и послушными, но и забавными. Проворно затыкая щели в углах терраски мхом, свалявшимся тополиным пухом и кошачьей шерстью, мышата успевали приплясывать, кувыркаться и пицать какой-то свой особенный мотивчик, веселя домовят.

Оказалось, что вся жизнь домовых духов подчинена особому своду правил, нарушать которые было никак нельзя. «Хлеще, чем в школе!» – удивлялась Оля. Например, весной главная задача домового – сушить дом от излишней влаги, мыть и причёсывать домашних животных. Летом доможил освобождает жилище от насекомых, пыли, тенёт и плесени.

К концу августа надо печь и дымоход как следует прочистить. Всю осень дом к зиме готовят, утепляют каждую щёлочку. Зимой важно: вздуть и поддерживать огонь в печи. И на каждый день какая-нибудь своя особая забота: сегодня – чтоб ни единой крошки на полу не осталось, а назавтра уже известь готовь – печь подбеливать.

Каждую ночь с закатом солнышка домовик заступает в дозор – обходит свои владения, осматривая всё: от подпола до чердака. Есть у него ещё постоянные важные функции: держать дом в чистоте и тепле, охранять от посягательства чужих злонамеренных духов, предупреждать хозяев о надвигающейся напасти, да всего и не перечить. «Без домового-хатника дом держаться не станет!» – частенько просвещал окружающих Ермошка, дабы те осознавали его исключительно значимую роль.

То, что у домовых жизнь не из лёгких, Оля поняла уже давно, как только познакомилась с добрым и самоотверженным Ермошкой. Она всячески хотела ему помочь и отвлечь от ежедневных забот, но вот до ноябрьского служения дело пока не доходило. Осенние каникулы Оля провела с мамой, благо Колясик был в командировке (невероятное везение!). Вернувшись домой, девочка вновь с головой окунулась в школьную круговерть.

Только вот игрушки всё чаще грустили без своей любимой хозяйки, сиротливо сгрудившись в «кукольном закутке», всем её не хватало. Да вновь стал болеть и скулить Куська. Снова оголился его больной бок, видимо, злющий и подлый Чурай снова стал безжалостно выдёргивать белую шерстку.

Накануне важного события, когда все приготовления к «Осеннему балу» наконец-то были завершены, Ермошка явился к Оле в неурочный час. Встав на письменный

стол прямо под куполом настольной лампы, он с плохо скрываемой обидой заявил:

– Всё уроки, значить, учишь! До друзей и делов нету! Побоку, значить, вся любофф. Забросила старых товаришшей и в ус не дует. Ты чего это себе вообще думаешь?

Оля никогда не видела его таким сердитым по отношению лично к ней. Опешив, она только моргала, не в силах что-либо возразить. Домовёнок, не собираясь снижать накал гнева, для убедительности демонстративно поставил ногу на стопку учебников и тетрадок.

– Бесстыжий дворовик вконец обнаглел, пёсик страдает, плачет. Сёдня ужо двадцатое ноября, а ей и горя нету! Я ведь без тебя совсем зашился. Да ужо все сидельца отсидел, все смотрельца отсмотрел! И где поддержка? Где благодарность? Ты думаешь аль нет, служение отрабатывать? Али мы в ноябре тебя так и не дождёмси?!

– Успокойся, Ермошенька, вот завтра «Осенний бал» пройдёт, и всё, я буду делать всё, что ты скажешь.

– Ишь ты, барыня какая! Кому Осенины, а кому и Михайлов день! – ещё пуще взвился Ермошка и даже топнул ногой от возмущения. – Ты в курсе аль нет, какой завтра день?

– Н-ну... двадцать первое ноября... пятница, а что?

– Пятыньсся-а, – раздражённо передразнил Ермошка. – А завтра, чтоб ты знала, у всех дворовых – аменины – Сытный день!

– И что от меня надо-то? Ты меня так не пугай, а то я уже на всё согласна, лишь бы ты не сердился!

– Приготовь подношение нашему вертопраху – Чур^{аю} Калиткину, – моментально смягчился домовёнок, видя ее искреннее желание помочь. – Запоминай: хлеба горбушку ему отрежь, молока с маслом наведи, пряники можно, а ещё наш елдыга обожает разноцветные лоскутки, бусинки, пуговики всяки. Хлыщ сиволапый.

– А конфеты он любит? – поинтересовалась Варюшка, которая теперь обычно сидела рядом на столе и с интересом наблюдала, как Оля пишет в прописи.

– Тож пойдёт! Но лучше сластей не давать, неча баловать! Главно что? А главно то, что самая молодая хозяйка дома должна вынести дворовику этот подарок на закате солнышка, пока последний лучик не угас. Так что как хошь там на балу балуйся, а к закату должна быть дома! Я б ты заменил, да хозяйкина ето обязанность. А то, боюсь, как бы он наше хозяйство совсем не разорил. Уж шибко зловредный бандит нам в дворовые достался.

– Не волнуйся, Ермошенька, я до захода солнца обязательно успею. Выступлю в школе и быстренько домой!

ОСЕННИЙ БАЛ

Глава четвёртая, в которой Оля впервые в жизни переживает сценический успех, а после заступает на домовое служение...

Во время школьного праздника Оле впервые предстояло выступить на настоящей сцене. Её выход в танце был десятки раз отрепетирован, костюм безупречен, но она всё равно никак не могла унять волнение. Когда стояла за кулисами, ожидая своего выхода, то так дрожала, что сухие листья венка на её голове колыхались и шуршали. «Интересно, что бы сейчас сказал Ермошка? – подумала она. – Хмыкнул бы, наверное, и съязвил что-нибудь типа: эх, гузениха ты полоротая, ты ж против злых колдунов сражалась, а тут оробела. А ну, не трусь! Вперёд! Покажи им всем, какая ты есть на самом деле бесстрашная красавишна!»

Может, воспоминания о задорном друге так взбодрили её, только когда пришёл момент самого выступления, Оля, забыв о страхе, вспорхнула на сцену и прекрасно, без сучка и без задоринки, оттанцевала свой номер. Одарив всех партнёров по танцу бутафорскими овощами и фруктами,

девочка-Осень очаровала зрителей пластикой, красивым костюмом, а главное – открытой улыбкой.

Несмотря на то что Серёжа в самом конце номера случайно уронил на пол парафиновую грушу, зрители восторженно хлопали и хвалили их красивый танец. Только Олина мама не могла порадоваться за дочку, её не было на празднике. Другие родители суетились вокруг своих детей, подбадривали перед выходом на сцену, бесконечно снимая их на телефоны и камеры, восхищённо обсуждая выступления драгоценных чад, а Оля самостоятельно складывала в огромный бабушкин баул свой костюм: туфли, накрахмаленные юбки, венок, связку бус.

После концерта в классах ребят ожидало чаепитие с разными вкусняшками, принесёнными из дома, а потом в холле первого этажа планировалось «Осеннее танц-караоке-пати», или «танцплощадка», как выражалась бабушка. Именно для этого настраивалась музыкальная аппаратура и были вывешены гирлянды разноцветных фонариков. Многие девочки из Олиного класса уж слишком тщательно готовились именно к этой части праздника, с трепетом ожидая самых первых в жизни «танцев».

Карина даже накрасила губы, а Таня пришла в школу с маникюром, причём их мамы благосклонно позволили им это. В Олином же доме никогда не водилось ни помады, ни лака для ногтей. «Бабушка, наверное, бы в обморок упала, если б увидела меня вот такой же размалёванной», –

подумала Оля, но тут её взгляд невольно задержался на пейзаже за окном. Сильный порывистый ветер клонил деревья, а стёкла в соседних домах отражали тревожное живое золото вечерней зари.

Девочку словно кипятком ошпарила ужасная догадка, что, несмотря на то что было всего половина шестого вечера, солнце уже почти зашло. Ведь осенью день стремительно сокращается, а ночи становятся, наоборот, длиннее и темнее. Об этом же им буквально вчера говорила Златовласка на уроках по живой природе. «Какая же я растяпа, пообещала Ермошке, что точно успею вернуться до заката. Ведь можно же было поинтересоваться у взрослых, когда точно заходит солнце. Кто теперь спасёт несчастного Куську от издевательств дворового?!» – корила себя Оля, судорожно натягивая куртку.

В коридоре она случайно налетела на Серёжу, чуть не сбив его с ног.

– Ой! А ты куда? Ты на чаепитие, что ли, не останешься? – удивился он.

Оле некогда было объясняться, она только раздражённо отмахнулась:

– Потом-потом, тороплюсь очень!

Изумлённый Серёжа напомнил её стремительно удаляющейся спине о том, что после праздника их будет, как обычно, встречать Колясик.

Но Оля не услышала, она бежала как сумасшедшая, нагруженная не только большой сумкой с костюмом, но ещё

и школьным ранцем. Дважды она чуть не упала, поскользнувшись на льду. Но, несмотря на все сложности этого насыщенного дня, успела добежать до дома вовремя.

Бабушка только руками всплеснула, увидев запыхавшуюся, взмыленную внучку: «Бесенята, штоль, тебя гнали?!» Оля на ходу сочинила для бабушки какую-то нелепую побасёнку, что, мол, торопилась, чтобы посмотреть новый интересный фильм по телевизору, но тут же заверила: «Сейчас отдышусь чуть-чуть на крыльце. Подожди минуточку!»

Последний закатный луч ещё дребезжал в маленьком оконце сарая, словно прощаясь, когда Оля и Ермошка с узелком подарков для Чурая Калиткина вышли на крыльцо. Благо, что все подношения Оля заготовила ещё утром перед школой. Несмотря на то что Ермошка был против конфет, Оля всё же положила в кулёк несколько шоколадных и горсть леденцов.

Подношение, дабы соблюсти все необходимые формальности, было уложено на совковую лопату, которую пришлось вытаскивать из углярки. Ермошка уютно примостился в капюшоне Олиной куртки и, выглядывая оттуда, отдавал команды своей подружке.

Гостинцы полагалось оставить у входа в подвал, но так как в их маленьком домике подвала не было, то Ермошка разрешил положить дары под крыльцо. Однако увидев, как там грязно и противно, Оля заартачилась:

– Фу, там просто омерзительно... Чёрные сосульки висят. Здесь, поди, и крысы гуляют. Я бы из такой противозной грязюки никаких подарков ни за что не взяла!

– Ну, то ж – ты, а то – господин Калиткин. Ставь давай, не кобенься, да слова заветные за мной повторяй!

– Нет, Ермошенька, дворовик так может ещё сильнее обозлиться, если ему придётся хлебушек из этой грязищи доставать. Прямо-таки свинство натуральное! А вот мы же можем наши подарки, например, на крыльце разложить, а?

– Так, ладно, некогда мне уже с тобой препираться! Вон уже лучик последний гаснет! Ставь поскорей сюды, на крылечко, только низёхонько – на приступочку, да повторяй за мной:

– Суседушко, доброхотушко,
Ты хозяин от забора до воротушка.
Ты подвория всего охранитель-страж,
Не побрезгуй, подношение прими, уважь!
Животину не губи, не разорь добро!
Всех дороже двор родимый, лучше всех дворов.
Не кажи дорогу лиху ты на наш порог,
Будем славно жить да тихо этот весь годок.

После того как ритуал был исполнен, они ещё какое-то время оставались на крыльце, замороженно наблюдая, как гаснет небосвод и весь их «деревенский» околоток погружается

в промозглую ноябрьскую тьму. Запальчивый ветер разъярялся, быстро превращаясь в настоящий ураган, гнул деревья, раздражённо срывая с них последнюю листву, ломал ветки, гудел в печных трубах.

Домовёнок закопошился в капюшоне куртки за Олиной спиной и, облегчённо вздохнув, ласково предложил:

– Ну что, *д*итя моя баламошная, пошли, штоль, в дом, а то вишь, как нонеча дворовые лиходеи лютуют, не ровен час под раздачу попасть. Етт они цельный год втихаря по чуланам сидят, а на Сытный день и напроказить могут.

Только теперь, дома, Оля смогла спокойно вздохнуть. Усадив всех игрушек на письменный стол, она зажгла настольную лампу и принялась им рассказывать про то, как прошёл «Осенний бал», о том, как сильно волновалась перед выступлением, как легко и красиво смотрелся танец, в котором она играла главную роль – роль самой Осени.

О том, что она успокаивала себя мыслями о Ермошке, девочка рассказывать не стала, потому что проказник устроился тут же – разлёгся на стопке учебников, болтая ногами. Домовёнок наверняка бы загордился и начал бы подтрунивать над Олей, услышав, что одно лишь воспоминание о нём может вдохновить и вселить отвагу в её сердце.

– Какая ты счастливая, Олечка! – мечтательно вздохнув, сказала *В*арюшка. – А мы вот тут сидим-сидим, скучаем без тебя.

– Варюшка, обещаю, что в следующий раз я обязательно возьму тебя с собой, чтобы ты всё могла увидеть своими глазами, – заверила её девочка.

– Скажи, а Таня, Карина и другие девочки, наверное, обзавидовались твоему роскошному бальному платью? – не унималась любопытная кукла.

Оля неопределённо пожала плечами, но ответить ей так и не удалось. Диалог нарушил нетерпеливый Ермошка. Вскочив на ноги, он словно на пьедестале из учебников двинул пламенную речь:

– Так, хватить тут про балы-наряды. Развели тут, понимаешь ли, девчачьи сюси-пуси! Сегодня собирайся, Олечка, на домовое служение! И никаких гвоздей! Дворовые ноне фордыбачат, аменины⁴ справляют, а я тут один-одинёшенек, без подмоги! Весь дом на моих плечах! А ежели наш Чурай-бабай дружков наведёт? А как начнут оне тут безобразить, ветряные карусели по двору гонять да песни в трубе дурниной орать. А приключись драка? Мне их, штоль, одному усмирять прикажете?

Опешив от такого выговора, Оля не знала, что ответить. В любом случае она плохо себе представляла, чем сможет помочь в драке с пьяными дворовыми бабаями. Наконец она придумала мало-мальски правдоподобное оправдание:

---

⁴ 21 ноября в народном календаре восточных славян издревле отмечался День дворового. Именно в этот день дворового духа благодарили за его помощь и службу, преподносили различные угощения.

– Ну, Ермошенька, я сегодня и так вымоталась: то выступление, потом бежала по улице, как савраска... давай, может, завтра на служение?..

– Ну уж нетушки! Никакие отговорки не принимаются! Завтра выходной – успеешь отоспаться. Тем более что после обращения в домовиху ты сразу такой ядрёной силищей наполняешься, что ни мне, да и ни одному самому одичалому анчутке за тобой сроду не угнаться!

Что ни говори, но это была правда. Как только Оля становилась домовичкой, куда-то моментально улетучивалось плохое настроение, а внутри неё словно начинал работать невидимый моторчик, который не знал износа и усталости. Точку в её сомнениях неожиданно поставил Крокодилыч, как всегда, чем-то разобиженный и обделённый вниманием:

– Дава-айте ещё дворовых хулиганов сюда притащите! Даже распоследнему проходимцу они больше выказывают почтения, чем своим родным крокодилам, навеки позаброшенным. А на меня сегодня, между прочим, покушение было! Ночью, пока вы почивать изволили, на меня напал злоумышленник. И я ему, что б вы знали, в одиночку противостоял. Помощников-то у меня отродясь не водилось, не то что у некоторых...

– А к чему тебе они, помошники-то? Для чего? Помогать тебе курить, что ли? Или скрипеть, как несмазанная телега? Так ты и сам с успехом справляешься, – ехидно заметила **Ва**рюшка, которая недолюбливала сварливого старика.

– Нет, ну я уже не требую уважения. Его от вас, циничных юнцов, не дождёшься, но хотя б мало-мальское сочувствие должно быть?! Меня, между прочим, чуть не убили! – взвился извечный брюзга.

Варюшка едва не лягнула в ответ что-то типа, мол, надо бы тебя прихлопнуть, но вовремя удержалась. В противном случае бесконечное ворчание и жалобы пришлось бы выслушивать весь остаток вечера. Ермошка же, озадаченный спасением дома от разгулявшихся лиходеев, отнёсся к словам старика более чем внимательно:

– Подожди, уважаемый, давай-ка по порядку. Как это произошло? И почему ты до сих пор молчал?

Крокодилычу было неловко признаться, что он просто весь день проспал, поэтому ответил в своей обычной манере, обвиняя во всём всех и вся:

– До вас-то разве докричишься, заслуженный ветеран страдает, а никому и дела нет! Разве кто спросит: как ты? Жив ли вообще?

– Жив, курилка? – неожиданно вставил пупсёнок Сэмми слышанное когда-то выражение, о чём тут же сильно пожалел.

– Какой я вам курилка? Грубияны малолетние! Вообще ничего вам не буду рассказывать! – хрипло гаркнул глиняный житель серванта и демонстративно отвернулся.

Ермошка приложил палец к губам, призывая всех помолчать и не мешать беседе. Для острастки напоказ прикрикнул на друзей, дабы ублажить старика.

– А ну цыть, пустошники! Я на вас управу-то найду! Извиняй их, Крокодилыч, дети ж малые! Ну чего ж с них взять? Расскажи, кто ето был? Или не удалось заприметить?

– Мне-то не удалось? Да я его, вот как тебя, видел. Крыс это! Небезызвестный Куц, – оживился крокодил, вновь повернувшись к собеседнику.

– Ку-уц? – удивлённо протянул домовёнок. – Ето уж точно небезызвестный, а очень даже известный прислужник злобных сараешников. Да как он посмел? Я ж ему строго-настрого запретил даже нос в дом совать! – не на шутку встревожился Ермошка. – И что? Чего ему надо-то было?!

– Только это я, значит, задремал, чую – лезет кто-то. Коготки по полке – цок-цок-цок. Я глаза ещё шибче зажмурил. Притворяюсь, что сплю беспробудно. Так этот недоброжелатель до того обнаглел – стал меня по бокам обшаривать. Ну, тут уж я не утерпел! Ка-ак гаркнул на него: чего, мол, тебе тут надо?! Думаете, он испугался, побежал прятаться, только пятки засверкали? Да как бы не так. Встал так развязно и нахрапом прёт. Где, говорит, тут каменюка лежал с дыркой?

– А ты? – в голос спросили Оля и Ермошка.

– А я не лыком шит, говорю: где камень – не твоего ума дело! А будешь дуром лезть, то я сейчас хозяина свистну, тебя то есть, Ермолай Иваныч.

– А он?

– Ну, а что он? Ухмыльнулся, обозвал меня зелёной вонючкой и беспардонно восвосяи удалился.

Оля непроизвольно нащупала камень-талисман на своей груди, вот же он – на месте, висит на крепком шнурке. После недолгой паузы Ермошка задумчиво произнёс, будто разговаривая сам с собой:

– Интересно, кто же науськал крысёныша второй раз камень воровать. Не стал бы он без особой причины в дом лезть. Знаю, что Куц боится меня пуще бубонной чумы, и вот на тебе! Значит, этот куриный бог кому-то до зарезу понадобился.

– Может, сараешники оживились? – со страхом предположила Оля.

– Да я их вроде на этой неделе проведывать ходил. Висят себе сердешные в зачарованных тенётах в виде сухих пауков, не шаволятся. Я их даже чуток прутиком потыкал.

– Ладно, Ермошенька, так и быть, сегодня вместе сходим, ещё раз взглянем на них. Как только бабуля спать ляжет, обернусь домовичкой и пойду на третье служение, а уж в субботу-воскресенье отдохну.

ВЕЛИКИЙ ГНЕВ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕЧКА

Глава пятая, в ней очень много яростного гнева как человеческого, так и нечеловеческого, который приводит к совершенно невозможным последствиям...

Колясик пришёл к школе вовремя, как и приглашала учительница – к половине восьмого вечера. Златовласка заранее написала не только в родительский чат, но и всем детям в дневниках: «Уважаемые родители, тем из вас, кто не сможет прийти на «Осенний бал»: праздник закончится в половине восьмого». Он сам видел эту запись в дневнике и никак не мог ошибиться. Хотя никаким родителем он себя, конечно, не считал, но забирать из школы несносную злюку стало его тягостной обязанностью, с которой он нехотя смирился.

Вот уже почти три месяца Колясик исправно, каждый рабочий день поджидал Олю после уроков, хотя она вполне уже могла бы ходить из школы самостоятельно. Но, когда он только пытался заикнуться об этом, у его жены и тёщи чуть ли не истерика случалась. Поэтому он, взрослый и весьма

занятой человек, должен был сопровождать эту вздорную девчонку, которая отвечала ему взаимной неприязнью.

«И ведь нет бы как-то заговорить, рассказать что-нибудь, как другие нормальные дети! Ну да что ты! Будет идти словно в рот воды набравши или общаться только с одноклассником Серёжей, что достался в нагрузку, – раздражённо гонял Колясик одни и те же невесёлые мысли. – И главное, друга себе такого же противного выбрала. Мало того что пацан мелкий да конопатый, так он ещё совершенно неуправляемый, под стать подруге. Вечно убегает куда-то в сторону, а ты волнуйся за него! Вот на кой мне вообще сдалась эта сопливая парочка!»

Обычно Колясик встречал своих подопечных в школьном дворе, но сегодня донимал холодный пронизывающий ветер, изрядно подмёрзнув на улице, он зашёл в здание. В прихожей стояли скамейки для ожидающих родителей, и он присел рядом со столом охранника. Знакомый страж порядка, приветливо кивнув Колясику, воспринимая его как Олиного папу, предложил пройти за ней в класс. Но Колясику не хотелось встречаться с другими родителями и учительницей, ему вообще совсем не хотелось, чтобы все думали, что у него может быть вот такая странная и озлобленная дочь-дикарка.

Мимо него проходили компании родителей с детьми, которые несли костюмы, сумки, что-то возбуждённо обсуждая и смеясь. Просидел он довольно долго, но Оля

не объявлялась. Ожидание становилось всё тягостнее ещё и оттого, что мужчину начинал одолевать голод.

Когда из школы вышли почти все педагоги, Колясик стал нервничать. Он был уверен, что вредина специально тянет время и издевается над ним в отместку за то... а вот за что, он так и не сумел придумать. Одними из последних к выходу шли Олина учительница в сопровождении Серёжи. Заприметив Колясика, Златовласка заметно ступсевалась:

– Ой, здравствуйте! Извините, пожалуйста, это я попросила Серёжу помочь мне расставить стульчики после чаепития.

– Серёжу... – удивлённо пролепетал Колясик. – Да я, вообще-то, за Олей пришёл... в основном...

– А Оля убежала домой сразу же после концерта. Никому ничего не сказала, – вдруг испугалась учительница, – я думала, вы в курсе.

– Она сказала, что очень торопится, – добавил Серёжа, сильно картавя.

Златовласка была явно смущена тем, что не заметила исчезновения ученицы, и стала быстро набирать номер телефона Олиной бабушки. На другом конце ответили, и Златовласка с заметной дрожью в голосе спросила:

– Здравствуйте, это классный руководитель. Скажите, пожалуйста, а Оля дома?

– Да, конечно, она давно пришла. А что случилось?

– Нет-нет ничего, всё в порядке. Извините.

После услышанного Колясик так вскипел, что едва сдерживал застрявшие в горле ругательства. Тем не менее ему всё равно надо было теперь вести домой соседского мальчишку. «Не бросать же этого довеска, — мрачно размышлял Колясик, — вдруг ещё под машину попадёт, а ты потом ещё виноват останешься!»

Раздражённо буркнув Серёже: «Пошли!», — рванул к дому тёщи. «Ну, сейчас я им задам!» — мысленно негодовал Колясик.

– Я положу конец этому издевательству! Больше ни за что не буду сопровождать этих бессовестных неблагодарных малявок. Ведь девчонка намеренно сбежала, чтобы выставить меня перед всей школой в самом нелепом виде. Необходимо, наконец, раскрыть глаза доверчивой жёнушке и глупой тёще на эту девчонку – капризную, избалованную!» Ещё Колясика сверлила мысль, почему он сам не догадался сразу позвонить бабушке, а потерял столько драгоценного времени. Сейчас бы уже лежал на любимом диване после сытного ужина.

Бедный Серёжа едва поспевал за чужим взбешённым дядькой, излучающим волны яростного негодования. Едва они вошли в родной переулок, Серёжа, махнув Колясику, крикнул: «Досвиданьядядьколя!» — и с облегчением побежал к своему дому. Он был рад скорее отделаться от такого недоброжелательного провожатого как можно быстрее.

«Вот сейчас зайду и прямо с порога выставлю ультиматум. Раз, мол, она у вас такая самостоятельная, то и пусть

сама из школы и ходит, а с меня хва...» – на этом месте сердитые мысленные рулады в голове Колясика неожиданно прервались. Случилось это из-за того, что перед входной дверью на крыльце он увидел нечто совершенно необъяснимое и возмутительное, а точнее, чуть не споткнулся о самый нелепый из всех натюрмортов, которые только можно было себе представить. На белом платке лежал кусок хлеба, рядом стояла глубокая миска с молоком, тут же были хаотично разбросаны разноцветные лоскутки, бусинки, монетки и россыпь конфет.

Сначала от увиденного Колясик впал в ступор, но, быстро придя в себя, с новой силой обрушился с обвинениями в адрес Оли, теперь уже вслух: «Нет, ну это уже просто запредельно! Что за идиотские инсталляции⁵? Тоже мне, авангардистка⁶! Сумасбродка! Нашла место для игр! Да раньше за такое отношение к хлебу, вообще из пионеров исключали! Делает всё, что ей вздумается, а эти бестолковые клуши – мать да бабка идут у неё на поводу! А девчонка, скорее всего, вообще умственно отсталая или психопатка, а может, и то и другое одновременно, как же это я раньше не догадался!»

---

⁵ *Инсталляция в переводе с английского языка означает «установка» или «размещение» чего-либо. Это одна из разновидностей современного искусства. Композиция из предметов, в которой они наделяются неким символическим смыслом.*

⁶ *Авангардистка – сторонница авангардизма – течения в мировом художественном искусстве, объединившем дерзкие и новаторские идеи.*

Выпалив тираду прямо в лицо закрытой двери, Колясик машинально поднял пару шоколадных конфет и, развернув их, сунул в рот одну за другой. Таким образом он, вероятно, пытался унять разрывавший его изнутри гнев, а заодно и приглушить грызущий голод. Тарелку с досады пнул так сильно, что молоко расплескалось по крыльцу, а все остальные подношения разлетелись по застывшему в ужасе двору.

Колясик уже было хотел зайти в дом, и даже поднял кулак, чтобы как следует сердито и требовательно постучать, пусть заранее напугаются, но вдруг...

Некий необъяснимый паралич сковал его с ног до головы. Он так и замер в позе с поднятым кулаком, как будто после гневного словесного нагоняя в адрес провинившейся двери он хотел подкрепить взбучку ещё и физическим замечанием. Тем не менее боковым зрением Колясик мог заметить, что на высоких перилах крыльца сидит миниатюрный человечек, ростом меньше автомобильного колеса.

«Сосед, что ли, припёрся? Да уж, из всех виденных мной в жизни лилипутов этот в низкорослости всех переплюнул бы, – мелькнуло в голове у Колясика. – И чего ему тут надо, в чужом дворе? ...Да и не бывает, наверное, на свете таких-то уж совсем крошечных людей, чтоб росточком меньше сапога? Галлюцинации у меня, что ли?»

Тем не менее, вовсе не тушуясь, что застал незнакомого мужчину в столь неприглядном виде, человечек заговорил первым, причём весьма бесцеремонно:

– Та-ак, так-так-так! Ну что, дядя, признаваться будем или глазки пучить? А?! Это я тебя, свиное рыло, спрашиваю!

– В-вы кто? Что вам надо?.. – только и смог выдавить из себя абсолютно ошарашенный Колясик.

– Да ты ещё и отпира-аться вздума-ал?! Запомни, хмырь, здесь вопросы задаю я – главный дворокомандующий Чур*ай* Калиткин. Можешь звать меня просто – хозяин, а можно ещё ласково – хозяйюшко. Так, на чём я остановился? А! Вот на чём: ты пошто, свин, чужие угощения слопал? Думал, я не замечу? Да ещё и пораскидал по всему двору мои личные, дорогие сердцу реликвии. Хряк бескультурный! Не тобой положены, не тебе приготовлены. Имей в виду, что разгневал ты меня не на шутку! Ишь ты, взяли моду, чужое добро пинать да жрать! Как говорится, на чужой каравай рот не разевай! А выходит что? Посади свинью за стол, она и ноги на стол! А вот я тебя...

Свирепо сверкая маленькими колючими глазёнками, Чур*ай* в своей извечной юродствующей манере нарочито медленно поднял на ненавистного вора руку, изображая пистолет, оттопырив кверху большой палец и вытянув в виде дула указательный. Словно играя, Чур*ай* изобразил выстрел, целясь непосредственно в лоб обидчику:

– Пуфф!

Однако дворовой вложил в свою инсценировку выстрела столько настоящей магической злости, что из его указательного пальца-дула вылетела голубая неоновая молния и ушла

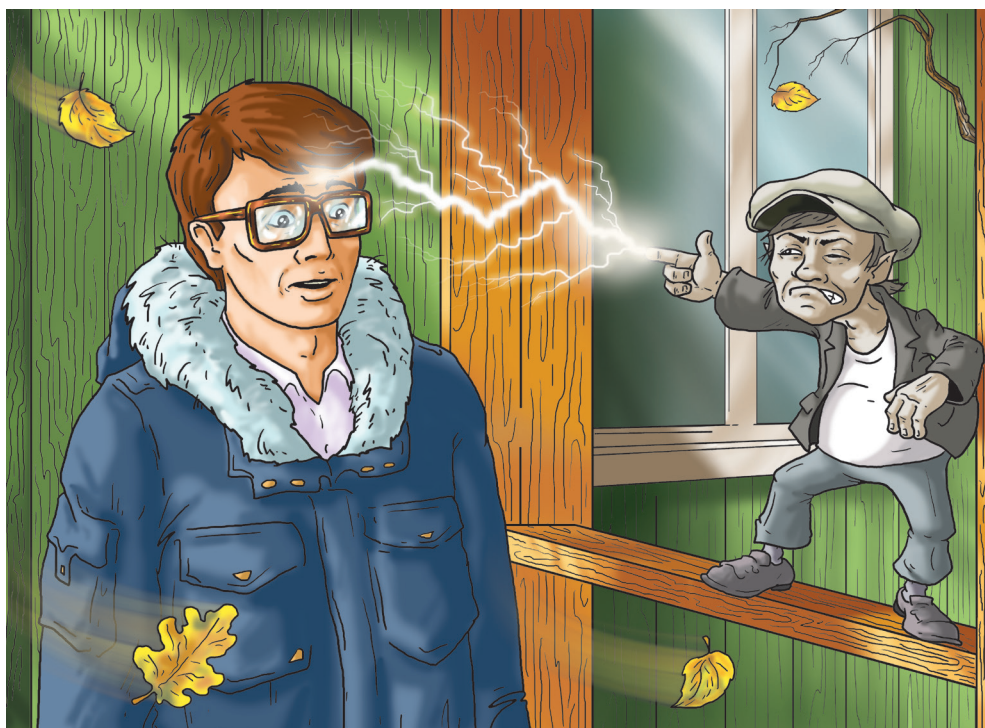
в голову жертвы. Чур^ай с восторгом и ужасом уставился на кончик собственного пальца, из которого только что вылетела не просто магическая искра, а целая магическая молния. «Этт чего, я волшебником, штоль, заделался?!» – удивлённо хохотнул Калиткин. Но, прекрасно зная, что дворовым колдовать в Сытный день строго-настрого запрещено, решил сей радостный факт не афишировать.

Из последних сил несчастный Колясик силился спросить неизвестно у кого, может, у мелкого сердитого человечка, стреляющего пальцем, или у тёмного беззвёздного неба, равнодушно взиравшего на невиданное унижение человеческого достоинства: «Что происходит-то?» Но вместо этого из его рта выскакивали только непотребные хрюкающие звуки и несуразно громкий визг.

Одно лишь радовало, что непонятный паралич наконец ослабил свою железную хватку, но вместо этого началось сильное головокружение. В какой-то момент у Колясика создалось такое впечатление, что он падает. Неведомый ранее неодолимый страх полностью подмял волю. Каждая волосинка на теле стояла дыбом, а по спине потёк холодный пот.

Ощущения были очень странными. Колясику вдруг показалось, что мир вокруг стал непонятным образом меняться. Дверь перед его носом да и сам дом стремительно росли, так же поднимались вверх деревья, становясь просто

гигантскими до такой степени, что мужчина уже не мог видеть их верхушки. Да и вообще поднять голову стало вдруг очень трудно, почти невозможно.

На четвереньках горемыка сполз с крыльца. Земля со скоростью поднимающегося лифта стремительно приближалась к лицу. Внезапно поднявшийся злой колючий ветер закружил по двору яростными пыльными хороводами.

Намереваясь поскорее выбежать прочь, подальше от этого проклятого места, бедолага сначала пополз по земле,

потом поскакал, потом побежал быстро-быстро. Лишь накрутив с десяток кругов, он остановился, с ужасом разглядев, что вместо рук и ног у него теперь были аккуратные свиные копытца.

Колясик оглушительно завизжал, а в голове пульсировало только одно спасительное предположение: «Это сон! Ужасный сон! Скоро я проснусь и этот кошмар закончится!»

КОШМАРНАЯ НОВОСТЬ

Глава шестая, в которой Оля узнаёт нечто столь ужасное, что заставляет её пожалеть даже собственного врага...

Поздно вечером бабушке позвонила мама, они долго обсуждали какое-то чрезвычайное происшествие. Они то принимались уговаривать друг друга, то, наоборот, кого-то ругали на чём свет стоит. Телефонная трубка нынче выдавала децибелы⁷ гораздо громче, нежели обычно. По большей части Оля не подслушивала разговоры взрослых, но тут не удержалась. Ведь сегодня ей предстояло домовое служение, а бабушка, увлечённая долгой беседой, всё никак не могла угомониться.

Из подслушанного диалога Оля поняла, что Колясик не пришёл домой, на что у мамы были свои соображения. Она ругала мужа и обвиняла во всех грехах, а главное, подозревала в том, что тот решил навсегда бросить её. Как следовало из разговора: Колясик висел у мамы на каком-то большом крючке. Но Оля уже не стала разбираться в запутанных фразах: «Да и как вообще возможно понять этих взрослых!»

---

⁷ Децибел – единица измерения мощности звука.

В одном она была уверена точно: неявка Колясика весьма огорчает маму и бабушку (маму гораздо больше!). Они то ругались, то плакали, но продолжали надеяться на скорое возвращение Колясика, чего нельзя было сказать о девочке. «Наконец-то подлый гад показал своё истинное лицо! – ликовала Оля. – Хорошо бы, если б Колясик вообще больше никогда не вернулся и оставил бы нас в покое навсегда». В конце концов, вдоволь перебив кости Колясику, женщины завершили долгий разговор.

Ничего не подозревающая бабушка по обыкновению пожелала внучке спокойной ночи и, тихо охая, удалилась в свою спальню. В ту же минуту Оля принялась за обряд превращения в домовичку, а из шкафа выглянул радостный Ермошка. Игрушкам тоже очень нравилось смотреть на волшебство, когда их хозяйка вдруг делалась одного с ними роста и становилась похожей на весьма искусно сделанную куклу.

Не успела Оля как следует опомниться, а события, ускоряя темп, потекли в совершенно непредсказуемом направлении. Видимо, уж такой нынче выдался суматошный день! Итак, лишь маленькая домовичка поправила на себе домашнее платье и подтянула развязавшиеся ленты на косичках, в окно кто-то настойчиво постучал. Ермошка, щёлкнув пальцами, тут же повелел форточке открыться. В комнату влетел растревоженный и взъерошенный пуще обычного воронёнок Варерра:

– Карраул! Кар-карраул! – орал птенец, нарезая круг под потолком, рискуя разбудить бабушку.

Оле и Ермошке пришлось цыкать на него, призывая к тишине. Когда воронёнок отдышался и чуть успокоился, то рассказал ужасную новость о том, что распоясавшийся дворовик Чурай напал на беззащитного Колясика перед самым порогом дома и, пуляя в потерпевшего молниями, превратил того в настоящего поросёнка!

– Да отродясь за Калиткиным никакого колдовства не водилось! Может, путаешь ты чего? – недоумевал Ермошка. – И что Колясик этот, прям изменился?

– Кар-кардинально! Это карра! Кар-карра! Колясик сначала упал на каррачки, а потом прревратился в черрного порросёнка!

– Ну и где теперь этот наш новообращённый колдун Калиткин с поросёнком Колясиком? – поинтересовался домовёнок.

– Чуррай его прривязал на веррёвку и увёл в куррятник. Карратель! Так что ваш Колясик теперь в каррцере на прривязи. Вот такая вот кошмарная кар-картина!

Во время всего рассказа воронёнка Оля находилась в полном ступоре, но затем, бледнея, стала оттаивать и до жути разнервничалась. Если поначалу происшествие показалось ей шуткой и, услышав о превращении Колясика, у неё лишь мелькнула насмешливая мысль: «А я лично

всегда знала, что Колясик – настоящий свинтус!», – то с каждой минутой до неё начинал доходить весь ужас произошедшего. Теперь она сопоставила и тревожный телефонный звонок мамы, её слёзы, переживания: «Бедная мамочка! Она же так любит его! ...Хоть он и реальный поросёнок, конечно».

– Что же теперь будет? – не скрывая тревоги, еле слышно спросила Оля, и на глазах у неё блеснули слёзы.

– А чего? Пуцай себе етот бобыня⁸ надутый на четырёх копытцах-то и побегаёт, можа, глядь, от него и пользы-то поболее будет! – легкомысленно хохотнул Ермошка.

– Да ты что, совсем сбрендил? – взвилась Оля. – Представь себе, что будет с мамой?! Она же любит его, ждёт, переживает, плачет! А если кто-нибудь его поймает и на холодец пустит?! Он же какой-никакой, а человек всё-таки! Мне даже представить страшно... – Оля не смогла договорить и разревелась в голос.

В кукольном закутке сочувственно заохали и захныкали игрушки.

– Ну, ладно-ладно, шутю я так! Угмонитесь. Колясик, конечно, тот ещё насупоня⁹ да и умишком – негораздок¹⁰, но не в порося ж его за ето превращать. Пошто так из-за него убиваться, касатка, не успели поди-ка

---

⁸ *Бобыня (устар.) – чванливый человек.*

⁹ *Насупоня (устар.) – надутый, сердитый, высокомерный, злой.*

¹⁰ *Негораздок (устар.) – недалекий, глупый, недоумок.*

ещё холодец-то сварить. Пойдём выручать кабанчика, да и Чураю по сопатке не мешало бы заехать, штоб впредь не нарушал закону, а то, вишь, приколдовывать взялся. За это можно и в паутину рядом с сараешниками угодить, годков эдак на тридцать-сорок.

Чурай Калиткин был и сам весьма изумлён тем, что смог превратить взрослого дядьку в натурального поросёнка, да ещё и любимой чёрной масти. Как это у него получилось, дворовой никак не мог взять в толк. Он прекрасно помнил, что разозлил его Колясик своим бесцеремонным поведением, неслыханным воровством праздничного подношения. Да и вообще, Калиткин давненько точил зуб на этого господина с большим самомнением, он не понравился ему, ещё когда затеял строительство бани, самовольно нарушив установленный годами порядок. Вмешивался, меняя всё как вздумается, да ещё и с самым барским видом заносчиво помыкал рабочими, словно именно он, а не Чурай во дворе самый главный хозяин.

По поводу произошедшего у Калиткина была одна догадка: магия свершилась именно сегодня, двадцать первого ноября, в праздник всех духов подворья, ведь именно в этот Сытный день дворовые празднуют свои общие именины и входят в небывалую силу. Однако закон есть закон. Сегодня же повсюду прятались шпионы и соглядатаи¹¹

---

¹¹ *Соглядатай (устар.) – так называют человека, который тайно следит за кем-то.*

господаря (главного домового духа их улицы), дабы блюсти порядок и сдерживать разгулявшихся «именинников». А случайное колдовство могло быть чревато серьёзным наказанием Поэтому, накинув поросёнку на шею верёвку, Чурай поспешил спрятать того в курятнике, где он собственно и проживал: в самом тёплом и уютном уголке, куда никогда не заходили куры.

БАХТАЛО КОЛОБРОД

Глава седьмая знакомит читателя с одним из последних конюшенных духов, не пожелавшим покинуть город и воссоединиться с родным табором...

По древней традиции души дома и подворья называли друг друга по имени и прозвищу, которое служило у них вроде фамилии. Имя маленькому домовёнку или, например, дворовёнку давалось, как положено, родителями при рождении, а вот после имени следовало почётное прозвище, которое нужно было ещё постараться заслужить. Причём прозвище могло меняться несколько раз в течение жизни благодаря особым заслугам или, наоборот, проступкам носителя. Так что древнее имя Бахтало¹² маленький потомок кочевого смуглолицего племени духов получил в честь прадедушки – славного баро,¹³ – предводителя табора.

---

¹² *Бахтало* (цыганск.) – мужское имя, в переводе с цыганского «удачливый, счастливый».

¹³ *Баро* (цыганск.) – большой, старший, главный. Слово часто используется при обращении к главе табора или старейшему члену многочисленной семьи.

Но тут же, без долгой отсрочки, за неугомонность, шаловливость и неукротимость в проказах получил цыганёнок прозвище – Колоброд.

Бахтало Колоброд принадлежал к редкому в наше время виду дворовых духов, практически уже не встречающихся в современных городах. Он был конюшным. И хоть последняя лошадёнка, что доживала век во вверенной ему конюшне, почил уж лет двадцать назад, неунывающий оптимист Бахтало уверял соседей, что совсем скоро, буквально со дня на день, под его крышу поселят отменного жеребца.

Однако во время ожидания оногo помещение не пустовало, вместо лошадей в нём проживала ласковая козочка по кличке Майка. Одно лишь огорчало хозяина конюшни — куры не признавали его и вели себя подчёркнуто надменно, впрочем, как и с другими дворовыми духами.

Куры, надо заметить, для всех не только дворовых, но и даже домовых духов – особая печаль и головная боль. Нет на них управы, и всё тут! Вредные, самовлюблённые и глупые. Вот же сочетание в характере! Не каждый даже сараешный дух, чьё племя славится особо вредоносным апломбом¹⁴, бывает столь напыщенным и презрительным.

Во-первых, куры, в отличие от всей домашней животины, не привязаны ни к своему хозяину, ни ко двору. Ежели

¹⁴Апломб – чрезмерная самоуверенность в поведении, в речи.

коровушка там или тем более конь своего хозяина издалече приметит, идёт к нему, спешит свою почтительность выказывать, то курице такие сантименты неведомы.

Только вышли куры за ворота – и уже как чужие: запросто могут в любой двор забрести и в соседском курятнике на насест усесться. Везде этим шасталкам – словно дом родной!

Но самая нестерпимо обидная куриная черта – это подчёркнутое презрение и неподчинение дворовым. Бывало, идут мимо хозяина двора – не поклонятся, лишь глянут мельком одним глазом, словно на пустое место, и дальше себе шествуют важно, не торопясь. Не обошло куриное пренебрежение и конюшенного. Но если остальные рядовые дворовики мирились с куриным неподчинением как с неизбежным злом, то Бахтало, ещё в детстве укротивший немало буйно-нравных жеребцов, терпеть этакое пренебрежение к своей личности был не намерен.

Вялотекущая война цыгана с курами длилась уже не одно десятилетие, и не одно цыплячье поколение выросло на страшных легендах о монстре в чёрной шляпе – кровавадном истребителе мирной беззащитной домашней птицы.

На самом деле всё было не так ужасно, как в легендах домашних пернатых, однако Бахтало действительно не упускал случая навредить постылым воображалам: выгрести крупу из куриных кормушек, расплескать и замутивить воду в поилках, стащить яйца из кладки, сделать дыру в ограждающей

сетке – это завсегда пожалуйста! А уж неожиданно вылететь с диким гиканьем из-за угла и наслаждаться, как со всех ног, кудахча и переваливаясь, улепётывает прочь какая-нибудь зазевавшаяся клуша, — было его излюбленным занятием.

В ответ на проделки куры делали вид, что ничего не происходит, продолжали деловито переговариваться друг с другом, демонстративно игнорируя дворового хозяина.

Ненавидел Бахтало весь куриный род люто, и тот, надо отметить, отвечал ему тем же. Особенно раздражала конюшенного мама-Ряба. Цыган без труда вычислил, кто именно руководит большой куриной сворой. Это она, пышнотелая пожилая пеструшка, такая нелепая и неуклюжая на вид, как, впрочем, и все её соплеменники, была вожаком заносчивого куриного клана. И не кто иной, как Ряба, каким-то непонятным образом подчинила себе куриные семьи, включая даже задиристых петухов.

Именно по команде пёстрой предводительницы молодые петушки начинали изо всех сил горланить ни свет ни заря. Бахтало же, как и все дворовые, лесные, водные и другие духи, был существом, предпочитающим ночной образ жизни. Ранним утром только лишь он укладывался спать, сладко зевая и потягиваясь, как тут же со всех сторон раздавалось невыносимое кукареканье, которое терзало его по нескольку часов подряд до полного изнеможения, не давая ни сна, ни отдыха.

Из-за петушиного ансамбля бедный Бахтало постоянно ходил невыспавшимся, с годами у него частенько стала болеть голова, а главное, без перерыва хотелось вредить и гадить всем подряд.

Однако как бы ни злился конюшенный, но по древнему неписаному закону нет у дворовых власти над куриным народом. Даже самые что ни на есть крупнорогатые быки-громадины признают над собой главенство духа-дворовика, а мелкое суетное куриное семейство само по себе – независимое. Ну как же тут, скажите, на весь свет не обозлиться?!

Сытный день начался для конюшенного весьма удачно. Выбравшись на воздух, он увидел, что Ряба, презрев по своему обыкновению правила приличия, степенно прохаживается по соседскому двору и с невозмутимым достоинством клюёт корм из чужой кормушки. Причём соседские куры, явно признавая превосходство матроны, почтительно отступили, не смея мешать трапезе.

Не в силах вынести столь наглую выходку, цыган подобрал с земли острый камень и, запустив его прямо по лапам пёстрой нахалки, тут же юркнул под крыльцо. По воцарившемуся шумному, истерично возмущённому кудахтанью мститель понял, что снаряд достиг цели.

После из укрытия он со злорадством наблюдал, как под сочувственные вздохи пернатой паствы хромот к своему курятнику раненая Ряба.

Сам Бахтало был «гнедой масти»¹⁵, обладал буйной кудрявой шевелюрой, гордился массивной золотой серьгой в ухе, владел хлыстом и широкополой шляпой – то есть всеми необходимыми атрибутами, положенными ему как коренному цыгану. Его свободолюбивый конюшенный народец осел однажды в этом странном посёлке, что притаился в гуще города. Но терпения к оседлой жизни хватило у его соплеменников ненадолго. У всех, кроме Бахтало. Нечто могущественное и необъяснимое привязало его ко двору, не давая последовать за родичами по пыльным бесконечным дорогам. И это злило, тревожило цыгана, не оставляя в покое его мятущуюся натуру.

Потому-то, наверное, и слыл Бахтало Колоброд изобретательным плутом и тяготел к разного рода авантюрам¹⁶. Несмотря на страсть к жульничеству и мелкому воровству, держался он гордо, всегда отделяя себя от остальных простых дворовых, хлевников¹⁷ и тем более овинников.

Бахтало хоть и был временами весьма заносчивым, но всё же не таким чванливым гордецом, как, например, сосед из единственного на весь их околоток богатого двухэтажного

---

¹⁵ Гнедая масть – коричневый лошадиный окрас различных оттенков, от огненно-рыжего до почти чёрного.

¹⁶ Авантюра – рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех, опасное приключение.

¹⁷ Хлевник – дворовый дух, живущий в хлеву – крытом загоне для крупных домашних животных. Называется так по месту обитания. В хлеву он хозяйствует и проказничает.

коттеджа, что в пику остальным дворовым именовал себя не иначе как – усадебник.

С соседями конюшенный старался ладить, но этому зазнайке не выказывал никакого почтения: при встрече не приподнимал в приветствии шляпу и не жал руку. За глаза называл того дырлыно¹⁸ и бенг рогэнса¹⁹, да ещё и старался исподтишка вредить усадебнику: то клумбу потопчет, то в окно камешком запустит. При этом Бахтало свято верил в свою правоту: ведь на околоток должен быть только один уникальный дворовой, и это не кто иной, как именно он – Бахтало, а не какой-то там самопровозглашённый капиталист, у которого, видите ли, не двор, а усадьба! Будучи сам весьма надменным, в других он этой черты не терпел.

Иной раз на конюшенного нападала неодолимая хмарь и тяга к лошадям. Изматывающую эту тоску Бахтало утолял тщательным уходом за послушной козочкой, а экспрессию кочевой жизни восполняли ему разного рода азартные игры и проказы.

Притом в душе конюшенный был неисправимым романтиком. Оставаясь в одиночестве, он любил развлекать себя магической забавой, гоня по своему жилищу призрачных лошадей. Мистический, несуществующий табун с приглушённым иллюзорным топотом мчал навстречу ветру, поднимая

---

¹⁸ Дырлыно (цыганск.) – дурак.

¹⁹ Бенг рогэнса (цыганск.) – чёрт с рогами.

из-под копыт клубы пыли, но всё это были только тени, мелькающие на стенах и потолке старой конюшни.

Многие родственники-ромалы²⁰ давно уже перебрались подальше от города и расселились по окрестным деревням, где ещё остались какие-никакие лошади. Некоторые кочевали, только Бахтало оставался конюшенным без коней, продолжая тешить себя иллюзиями. Он и сам поначалу верил, что когда-нибудь обзаведётся новыми настоящими, а не выдуманными лошадками или наконец сорвётся с насиженного места.

---

²⁰ Ромалы (цыганск.) – так цыгане называют себя, свой народ.

Время шло, в домах менялись хозяева, гужевой транспорт окончательно заменили автомобили, а цыган всё оттягивал момент и со временем прирос к посёлку, не веря в лучшую долю. В отместку за несбывшиеся мечты плут Бахтало год от года наглел, без меры объегоривая соседей, которые всё больше раздражали его своим прагматизмом и самодовольством. Почему в его душевной мути повинными оказались именно они, ничего не подозревающие обыватели, конюшенный и сам толком не знал, но объяснял это просто: не понимают его, не ценят, а значит, все вокруг виноваты и должны понести наказание.

В изобретательстве встрёпок для соседских *духов* ему не было равных. Вредил проказник окружающим самозабвенно, не зная стыда и мук совести. Расшатывал заборные доски, подпиливал лавочки, ломал ветки плодоносящих кустарников, тащил к себе всё, что плохо лежит, но основной задачей конюшенного было – непременно объегорить какого-нибудь простофилю-обочника²¹ в игре или в споре.

Бахтало частенько по-соседски заходил к Чурayo Калиткину, перекинуться в картишки. Каждый раз их посиделки оканчивались перебранками и драками. Однако какими бы ожесточёнными не казались их споры и потасовки, буквально через день-другой Бахтало как ни в чём не бывало заявлялся к Чурayo с неизменным предложением поиграть... и всё повторялось сызнова.

---

²¹ *Обочник (устар.) – сосед.*

Конюшенный искренне считал Чурая пустобрёхом, остолопом и лёгкой добычей. Поэтому в общении с ним никак не мог удержаться от обмана. Играя с Калиткиным в карты, Бахтало откровенно мухлевал, а пойманный за руку, никогда не признавался в махинациях. Да и переспорить Бахтало было практически невозможно.

Но и Чурай Калиткин являлся не таким уж простаком, каким его считал Бахтало. Дворовой заранее подозревал всех и вся, умел хитрить и не упустить выгоду. Он прекрасно знал цену их «дружбе». Каждый раз Чурай клялся себе, что не будет больше никогда иметь дело с таким прохвостом, как Бахтало, но почему-то снова и снова попадался на старые, обкатанные веками цыганские мошеннические приёмы. Однако, если Бахтало не приходил слишком долго, Чурай начинал отчаянно скучать по лукавому знакомцу.

БЛАГОРОДНАЯ ИГРА

Глава восьмая, в которой дворовые решили в свой праздничный день по-соседски поиграть в хорошую настольную игру и что из этого вышло...

В Сытный день, что издавна считался у дворовых духов чем-то вроде общих именин, Бахталю не мог себе позволить упустить возможность как следует развлечься. Поэтому вдоволь накидав мелких камушков в печные трубы чужих домов и срезав несколько бельевых верёвок в соседском дворе, цыган с чувством выполненного долга направился в гости к Чураяю Калиткину. Озорник надеялся без труда склонить дворового к совместным шалостям или, на худой конец, обмишурить того в карты, выиграв коллекцию пуговиц, на которую давно положил глаз. Однако, вопреки ожиданиям, застал Чурая перепуганным и несговорчивым. Калиткин наотрез отказался играть с Бахталю в карты, вёл себя нехарактерно сдержанно и явно что-то скрывал. Конюшенный не зря слыл на всю округу отъявленным хитрецом, поэтому не стал допытываться напрямую, а решил выудить секрет Чурая исподтишка.

– Не собираюсь я с тобой никакого дела иметь! Даже не заикайся мне про карты, – с порога заявил Чур^ай гостю, – в прошлый раз ты, прохвост, прятал туза в рукаве, я видел! И вообще, когда у тебя козырей нету, то ты доказываешь, что «Дурак» перекидной. А ежели козырей нахватаешь, то тогда «Дурак» вовсе и неперекидной вдруг, по-твоему, оказывается. И попробуй потом тебе чего докажи! С тобой за карты садиться – только нервы зазря трепать!

– Да что ты, брильянтовый, какие карты? Зачем они нам сдались? Мы господа солидные, степенные, можем и благороднее себе занятие найти.

– Знаю я тебя, гусь лапчатый! Урожай в чужих огородах портить – это, что ли, для тебя благородное занятие? Сразу тебе говорю: я на это не подписываюсь!

– Чур^ай, дорогой, какие огороды? Чего ты вдруг про них вспомнил? Зима на носу. Я к тебе как к лучшему другу зашёл. Поздравить тебя хочу с нашим общим праздником. Ты ж мой названный брат! Позволь обнять тебя, к сердцу прижать. Лачо!²² Гожо!²³ Сытный день – наш великий день! Пусть твой дом будет – полная чаша, пусть враги твои обратятся в пыль и глаза их в болото повянут, а сам ты, как месяц, сияй!

Калиткин не ожидал, что может поддаться на лживые

---

²² Лачо (цыганск.) – хороший.

²³ Гожо (цыганск.) – красивый.

дифирамбы²⁴ цыгана, однако, заметно потеплев в голосе, продолжил беседу уже более миролюбиво:

– Ну, и что ты предлагаешь?

– Никаких от меня предложений. Как ты скажешь, драго²⁵, так и будет. Скажешь, уйди прочь Бахтало, и я пойду совсем. Скажешь, давай посидим-поговорим, я со всем моим огромным уважением. Скажешь, Бахтало, давай сыграем со мной в хорошую достойную игру, а я со всем моим глубоким почтением... – Конюшенный сегодня явно был в ударе и тараторил без умолку, окутывая собеседника ложным чувством превосходства над собой.

Но Чурай уже попался на крючок невероятного обаяния ловкого прохиндея:

– Да? И какая же игра, по-твоему, достойная? Небось, опять в карты?

– Неее... зачем? Какие-такие карты? Есть более приличные игры, для самых знатных господ, например, шахматы. Это ж гимнастика ума, игра, достойная царей! У тебя и доска, помнится, где-то была.

– Доска-то была... тиснул я её как-то... уж теперь и не вспомню у кого, да только вот досада — фигурок-то нету. Ни одной.

– А и не надо. Для чего нам все эти непонятные фигуры? Чего с ними делать? Как в них играть? Кто их разберёт?

---

²⁴ Дифирамбы – восхваляющие гимны.

²⁵ Драго (цыганск.) – дорогой.

– Ну и чего ж делать-то тогда?

– Есть выход, ведь есть ещё более благородная и захватывающая игра – шашки.

– Дык ведь и шашек тоже нет.

– Как нет, дорогой, а твой замечательный мешочек с пуговицами? Чем не шашки? Расставил их как положено на доске, вот и играй себе, сколько захочешь. Давай скорей, золотой, неси сюда свои прекрасные пуговицы, точнее шашки.

Чура^й достал из секретного заглашника шахматную доску и мешочек с коллекцией пуговиц, которую собирал несколько лет. Однако, когда приятели стали расставлять импровизированные шашки на доске, оказалось, что все пуговицы только чёрного и тёмно-коричневого цвета. Но ведь для полноценной игры необходимы были ещё и белые или, на худой конец, хотя бы светлые «шашки».

Тогда Чура^ю пришла прекрасная идея – использовать вместо белых шашек таблетки валидола, которые он беззастенчиво позаимствовал у Олиной бабушки, когда та положила их мимо кармана. Таблетки были большими и круглыми и годились на роль шашек ничем не хуже пуговиц.

Игра началась бойко и быстро захватила обоих. Бахтало великодушно позволил хозяину играть белыми и ходить первым. Задумав коварный план, хитрец специально поддавался, и Чура^й без труда выиграл несколько партий подряд.

Сорвав шляпу, цыган бил себя кулаками по голове, бранясь на чём свет стоит: «Ах, я дубина стоеросовая! Дырявый банный таз! Чурбан с глазами! Продул-проиграл! Опять проиграл!» Пребывая в эйфории и полном восторге от победы, Чур^{ай} Калиткин простодушно не замечал в буйстве и воплях лицедея наигранности и нарочитого притворства.

Ослабив бдительность, Калиткин повёлся и на следующее предложение конюшенного:

– А пошто мы, друг мой яхонтовый, тратим драгоценное времечко. Пошто мы играем впустую, когда можно играть на интерес? Например, хоть на пуговицы! Пустяк вроде, а всё ж приятней, чем за просто так! Вот если ты выиграешь, то я вырву для тебя любую, какую захочешь, с моей рубахи, хочешь – с жилета.

– А если выиграешь ты?

– О, какие пустяки. Ну, отдашь мне любую пуговку из своей коллекции. У тебя их во-он сколько, целая куча, чего тебе бояться. Да и не везёт мне что-то сегодня, сам же видишь, прямо-таки совсем не везёт.

Однако стоило лишь начать игру на пуговицы, как удача вновь повернулась к Бахтал^о лицом и он начал выигрывать у Чур^{ая} пуговицы одну за другой. Соперники так разошлись, что никак не хотели бросить игру, даже когда у Калиткина не осталось больше в запасе пуговиц, кроме тех, что были выставлены на доске.

Вдруг из дальнего угла курятника послышалось хрюканье и жалобное повизгивание. Бахтало удивился, что в пылу сражения не заметил у Чурая нового жильца. Это был очень симпатичный поросёнок-подросток, упитанный и совсем чёрный. Вот только на него зачем-то (наверное, для смеха) надели очки. Смекнув, что сейчас выдался очень подходящий момент, чтобы развести олуха по-крупному, Бахтало как можно сдержаннее предложил:

– Яхонтовый мой, когда же у тебя на подворье появился лишний рот? Наверняка прожорливый?

– Да вот недавно... – замялся Калиткин и, цыкнув на поросёнка, спрятал взгляд.

«Ой, что-то тут нечисто, – строил в уме догадки Бахтало. – Сдаётся мне, что этот шкодливый балбес Чурай тайком привёл кабанчика с чужого двора! То-то он сегодня весь такой загадочный...» При этом вслух цыган произнёс совсем другое:

– Зачем он тебе сдался? От свиней беспокойство одно. Жрать им подавай, а потом грязь, шум, визгу не оберёшься. Посмотри, какой он неприятный, одним словом, свинья свиньёй!

Вместо ответа Чурай только горько вздохнул, спрятав подальше свою страшную тайну о нечаянном колдовстве.

– А давай я тебе помогу, друг! Давай я тебя избавлю от этой напасти, заберу кабана и освобожу тебя от забот.

Чурай замешкался и погрузился в тяжкие раздумья:

«С одной стороны, было бы совсем неплохо избавиться от превращённого дядьки, как от последствия нечаянного преступления. Ведь по закону за посягательство на человека, дворовому грозило серьёзное наказание. Но, с другой стороны, поросёнок был теперь в его подворье, а отдавать своё добро за здорово живёшь – глупо и жалко, и как вообще отреагирует хозяйка, увидев такое неожиданное пополнение?»

Бахтало чувствовал, что Чурай завяз в сетях собственной же интриги и жертву пора дожимать:

– Ну, не хочешь отдавать – не надо. Ежели так желаешь, то и оставь себе эту обузу. Мне этаких хлопот даром не надобно! Ну, или можно, например, сыграть на него. Смотри сам, конечно...

Калиткину, словно попавшему под цыганский гипноз, предложение Бахтало показалось резонным – пусть всё решит судьба. Но, помня о прошлых проказах цыгана, он спросил:

– А ты мне что? Я тебе могу поросёнка проиграть, а ты?

– Тырываешь мне сердце, брат! Была не была, ставлю на кон мою любимую козу. Красавицу, умницу, глаза – звёзды ясные, пух – мягче облака, а какой нежный и кроткий у неё нрав! Не знаю, как я буду плакать, расставаясь с ней. Но игра есть игра, клянусь моим золотым зубом. Дело чести, брат!

Игроки вновь засели за шахматную доску. И поначалу Калиткину снова повезло, его белая таблетка валидола почти добралась до края доски и готовилась стать всесильной «дамкой».

Вдруг озадаченный соперник предложил хозяину посмотреть, не сбежал ли поросёнок, мол, уж что-то слишком тихо тот сидит в соломе. Поросёнок лежал в углу и ронял слёзы, прикрыв маленькие глазёнки копытцами, как ладошками, совсем по-человечьи. Пользуясь моментом, пока глупый сосед отвлёкся, Бахтало без зазрения совести сунул

«дамку» в рот, а так как таблетка показалась ему на вкус очень даже приятной, тут же её проглотил.

Вернувшись, Чур^ай не увидел на игровом поле своей главной надежды – белой «дамки». Оцепенев от вызывающей наглости, он посмотрел на кон^юшенного долгим изумлённым взглядом. Затем, наливаясь ненавистью, схватил шахматную доску и с криком «Обманул, гад!» обрушил её на голову обидчику. Оставшиеся пуговицы и таблетки разлетелись с доски в разные стороны. Финал шашечного турнира был предрешён – завязалась ожесточённая драка.

Куры, давно привыкшие к этим извечным потасовкам, дремали на насесте, презрительно прикрыв глаза, всем своим видом демонстрируя, что происходящее им совершенно безразлично. Лишь перепуганный чёрный поросёнок выглянул из соломы и, дрожа всем упитанным тельцем, с ужасом наблюдал за боем между Чур^аем Калиткиным и Бахтал^о Колобродом.

ЧЁРНЫЙ ПОРОСЁНОК

Глава девятая, в которой Оля и Ермошка понимают, что вернуть Колясику его прежний вид будет не так-то просто...

Каждый раз после обращения в домовичку Оля замечала в себе новые необычные свойства: она могла теперь наполняться неубывающей энергией, видеть в темноте, читать чужие мысли, чувствовать приближение посторонних **духов**. Нынешнее её домовое служение, едва начавшись, подарило ещё одну весьма полезную особенность – не чувствовать холода, а это, надо заметить, было весьма кстати! Потому что когда домовята выбежали на крыльцо, то уже наступила холодная ноябрьская ночь, пронизывающий ветер крутил во дворе карусель из листьев, пыли и снежной крупы.

Несмотря на отвратительную погоду и невесёлый повод для ночных прогулок (поиски превращённого Колясика), настроение у Оли заметно улучшилось. Она чувствовала, что полна сил и ей вновь предстоит пережить совершенно невероятные приключения.

Сквозь завывание ветра всё отчётливее слышался надрывный поросячий визг. Судя по шуму и топоту, где-то совсем рядом в надворных постройках кто-то затеял непотребную заварушку с мордобитием. Через несколько мгновений перед глазами удивлённых домовят из дверей сарая как ужаленный выбежал испуганный чёрный поросёнок с неизвестным наездником на спине. Вид у животного был жалкий и смешной одновременно: из его глаз ручьями текли слёзы, а на одном ухе болтались массивные золочёные очки.

Верхом на поросёнке, словно лихой ковбой на коне, скакал очень смуглый, почти коричневый человечек в шляпе. Незнакомец, словно погоняя коня, победоносно выкрикивал: «Опа-опа, хэй-хэй!», а во рту у него сверкал золотой зуб. Вслед за ездоком мчался расхристанный Чурай, грозя кулаками и ругаясь на чём свет стоит.

– А вот и наш Колясик собственной персоной, – заметил Ермошка, кивнув в сторону чёрного поросёнка. – Глянь, а ему к лицу новый облик. И куды только вся спесь подевалась? А что, может, пусть таким и останется, а? Домовёнок даже пропел на мотив народных частушек:

– Лучше очень милый свин, чем очень вредный господин!

– Даже не шути так, пожалуйста! Лучше подумай, как нам его выручить. И кстати, кто это вообще такой в шляпе?

– О! Этот наездник как раз всегда некстати. – Ермошка щёлкнул пальцами и вся троица, сию секунду застыв, повисла в воздухе. – Вот, Оля, обрати внимание, – указывая

на Бахталю, бесстрастным голосом сообщил домовёнок, подобно музейному экскурсоводу. – Представленный вашему вниманию экспонат – некий конюшенный, навсегда отставший от табора, соответственно, и от коней тоже. Единственный в своём роде. В отличие от дворовика серого, обыкновенного, этот – редкого гнедого окраса, дрессировке, к сожалению, не поддаётся.

– Типа нашего Чурая?

– Что ты! Хлеще во сто раз! Он не просто обманщик и вор, как все обычные дворовые и овинники, а ещё и прохиндей, каких поискать. В два счёта облапошит, даже глазом не моргнёт.

Олю раздражал беззаботный вид и неторопная речь Ермошки. Ей хотелось закричать во всё горло, что, мол, хватит уже разговаривать, пора Колясика спасать: «Накажи этих драчунов, да верни поскорее прежний вид маминому мужу, а то она уж, поди, испереживалась!» Но Ермошка не спешил расколдовывать чёрного поросёнка, а, прочитав отчаянные мысли подружки, терпеливо пояснил:

– Наказать-то этих обалдуев – много ума не надо. Да много ль с того толку? Тут ведь главное – выяснить, кто Колясика обратил. Потому как я свинообразному бедолаге помочь бессилён. Кто его заколдовал, только тот и расколдовать может... ну, или нужен какой-то шибко сильный маг! Вот такие вот пирожки с поросятами. Иначе – никак.

Оля обомлела, значит, её всемогущий друг не всё на свете может. Заметив разочарованное выражение Олиного лица, Ермошка обнадёжил:

– погоди, не печалься. Сей момент допросим етих оборотов. – И кивнув зависшей в воздухе троице, приказал: – Оживись!

Все трое мягко плюхнулись на подмёрзшую землю. Дворовик и конюшенный вели себя как ни в чём не бывало, переговариваясь и шутливо подталкивая друг друга. Только несчастный поросёнок, опустив голову, стыдливо жался к стене сарая.

– Та-ак, и кто из вас ету непотребу сотворил? Кто, я вас спрашиваю, посягнул человека в свина превратить?

Ермошка, подбоченясь, сердито сверкнул глазами, давая понять ледяным тоном, что шутить вовсе не намерен. Бахтало был по обыкновению беспечен и с затаённой усмешкой рассматривал шпору на своём сапоге. А вот Чурай как-то ссутулился и, втянув голову в плечи, лепетал нечто невнятное себе под нос. Домовёнок сразу сообразил, на кого из двоих стоит надавить:

– Так-так, Калиткин, ты что ж думаешь, я про-стачок безмозглый. Дурака из меня решил сделать?! А ну, признавайся, анахфема, а то я тя до конца века заставлю по всей улице заборы латать.

– Н-ну... я это... нечаянно... – чуть слышно выдавил из себя окончательно стусевавшийся дворовой.

– Ето когда ж ты, позволь полюбопытствовать, у нас нечаянно в колдуны заделался? У кого ж ты магии обучился?

– А я и не умею, – плаксиво заканючил Чурай, – оно само собой как-то получилось! Я не хотел...

Ермошка повернулся к Оле и встревоженно сообщил:

– Всё гораздо хуже, чем мы думали. Видать, Чурай не врёт и балбес Колясик попал под горячую руку.

– И что это значит?

– Скорее всего, он стал жертвой спонтанной магии. В Сытный день дворовые в особую силу входят, так что ежели их как следует разозлить, то стгоряча могут и колдануть по-настоящему. Только уж их пылу на один лишь разок и хватает, а второго разу можно и вовек не дожидаться.

– Что? – От ужаса у Оли ноги подкосились.

Она и подумать не могла, что будет так сильно переживать за ненавистного ранее Колясика. Хотя ей поначалу больше было жаль маму, но, взглянув на съёжившегося и дрожащего всем тельцем поросёнка, она внутренне содрогнулась. Оля успокаивающе погладила того по щетинке на боку и завершила: «Не переживай, Колясик, я тебе помогу!» В ответ тот взглянул на нее глазёнками, полными слёз, с такой надеждой и мольбой, что Оля чуть не разрыдалась в голос.

Но тут неожиданно в разговор вмешался Бахталю:

– Знать не знаю никакого колёсика. Этот кабанчик мой! Я его в честном бою выиграл. Так что, как говорится, на чужой каравай рот не разевай. Отойди, яхонтовая, от пороса, а то он дикий, необъезженный, укусить может.

Чура^ай пытался что-то возразить, но Ермошка подскочил к нему как ошпаренный и одним испепеляющим взглядом снова поднял несчастного обездвиженного дворового в воздух:

– Так ты, негодяй, ещё и смел играть на околдованного человека! Сотворил непотребное злодейство и хотел концы в воду спрятать? Быть тебе серым мышом и жить за метлой до тех пор, покуда я сам не решу, как с тобой дале быть.

Ермошка топнул ногой, и в ту же секунду Чура^ай Калиткин стал стремительно уменьшаться, впрочем, не меняя своего привычного серого окраса, пока не превратился в крошечного мышонка. Серый комок с испуганным писком юркнул к крыльцу и спрятался за прутьями растрёпанной метлы.

Расправившись с Чура^аем, Ермошка повернулся к Бахтал^о, намереваясь на всякий случай как следует прищучить и его. Однако, вопреки ожиданиям, цыган не растерял самообладания и даже некой бравады, а, лукаво подмигнув, с вызовом заявил:

– А, уж^янгло!²⁶ Не боюсь я тебя, домовик! Эт ты над своими холопами барствуешь, а коню^шенные тебе неподвластны, тем более с чужого двора! Так что кабанчик по закону – мой! А если захочешь отнять, я Хату Заку^утычу, начальнику нашенскому, тебя с потрохами заложу! Пусть все узнают, какие на твоём подворье лихие дела творятся. А за превращённого человека тебе, знаешь, чего будет? Каторга неминуемая!

---

²⁶ Уж^янгло (цыганск.) – хитрый.

Ермошка резко отвернулся от Бахталю и отвёл Олю в сторону. По лицу домовёнка было заметно, что он не на шутку взволнован и сердит. Прямо глядя в лицо девочке, Ермошка заговорил как будто не своим, по-взрослому серьёзным голосом, что Оля заметно струхнула:

– Слушай меня внимательно, Оля. Етого прохиндея голыми руками не возьмёшь! Пойдём обходным путём. Надо ему сейчас мозги запудрить, отвлечь, так что, давай — действуй!

– Да ка-ак? Чем я его отвлеку?

– Иди, заговори с ним о пустяках — о конях каких-нибудь, он его любит. Нам сейчас главное, не дать ему поросёнка со двора увести, а то — ищи потом ветра в поле!

Девочка робко направилась к цыгану, совершенно не зная, что ему сказать. Подойдя близко, она сделала изящный книксен и представилась:

– Мы не успели познакомиться, меня Оля зовут, а вас?

Бахталю очень удивился, потому что никто никогда в жизни не называл его на «вы».

– Бахталю Колоброд, последний конюшенный сего околотка, яхонтовая.

Помня установку домовёнка разговаривать с цыганом о лошадях, Оля выпалила первое, что пришло на ум:

– Как же вам тут, наверное, неуютно и скучно, ведь во всей нашей округе нет ни одного даже маленького жеребёнка.

Своим наивным глупым вопросом Оля, видимо, попала в самую сердцевину болезненной раны, спрятанной в романтической душе конюшенного. Его вишнёвые глаза повлажнели, щёки вспыхнули нездоровым бордовым румянцем. Сжав кулаки, он неожиданно разразился возмущённым криком:

– Да где ж их нынче в городе-то отыщешь, ежели даже по деревням уже одна-две клячи остал^ось! И те скоро издохнут! Теперь каждый болван норовит антомобилем обзавестись! Вместо конюшен теперь гаражи одни, так что конюш^енным д^ухам либо в гара^жные перековаться придётся, либо помирай совсем! А я вот не хочу быть гара^жнным, я, можа, все энти антомобили терпеть ненавижу и презираю! Понятно?!

– И не надо, не надо вам в гараж идти, – испуганно залепетала Оля, которая никак не ожидала, что её вопрос вызовет у собеседника такую бурную реакцию.

Цыган отвернулся от собеседницы, и по его вздымающимся плечам стало понятно, что он надрывно дышит, словно задыхаясь после быстрого бега. Чуть поразмыслив, девочка снова попыталась наладить беседу:

– А я, кстати, знаю, где в городе можно много-много лошадок найти. Меня мама прошлым летом водила на ипподром – кататься на пони. Это недалеко – всего три остановки на троллейбусе. Там коняшки разные и даже есть один ослик.

Бахтало порывисто повернулся, ту же секунду всю его обиду и злость словно рукой сняло, а в глазах зажглись азартные жёлтые искорки.

– Покажешь, в какую сторону идти надо?

– Конечно, покажет, отчего не показать, – неожиданно вмешался в разговор Ермошка, – только ты нам поросёнка верни. Ведь не твой он, да и не поросёнок вовсе, а?

– Э-э нет, поросёнка уж вам – фигурки! Я его вместо себя оставляю, нашему старшому домовику – в уплату за свою свободу. А то он на меня давно зуб точит, ещё с того случая, когда я у него печную трубу в карты выиграл.

Ермошка призадумался, с интересом разглядывая цыгана, будто видел его впервые: щёгольская шляпа, смоляные кудряшки, хитрый прищур, кожаная плётка в сапоге. Бахтало стоял напротив, не тушуясь и с вызовом глядя в лицо домовёнка. «Прямо-таки как герой из какого-нибудь вестерна²⁷, – мелькнула у Оли смешная мысль, но тут же тревожное предчувствие заползло в сердце. – Что-то случится сегодня. Ну никак не смогут эти задиристые мальчишки поладить мирно!»

---

²⁷ *Вестерн* (англ. *western*, букв.: «западный») – направление искусства, особое развитие получило в кино. Действие в вестернах в основном происходит во второй половине XIX века на Диком Западе. В вестернах раннего исторического периода это обычно борьба индейцев с белыми переселенцами и американской кавалерией.

МАГИЧЕСКОЕ ПАРУ

Глава десятая, в которой куры ведут себя самым странным образом, но, несмотря на это, в сарае заключается магическое пари...

Резкий порыв ветра, едва не сорвавший с Бахтало широкополую шляпу, словно издеваясь, бросил в лица спорщиков по пригоршне ледяной крупы. За забором метнулись прочь какие-то подозрительные тени.

– Так, ладно, пойдёмте внутрь, а то сегодня улишные соглядатаи повсюду притаились, да и ветер совсем как с цепи сорвался! – примирительно предложил Ермошка, приглашая всех пройти в курятник для дальнейших переговоров.

Внутри сарайчика было сухо и тепло, и, несмотря на бедлам из-за недавней драки, даже по-своему уютно. Куры уже уселись на насест и приготовились к долгой ночной дремоте. В обычный день они вряд ли бы обратили внимание на вошедших праздношатающихся домовиков. Но не в этот раз.

Как только доможи́лы и понуро семенящий за ними поросянок вошли внутрь, куры как по команде встали и выстроились в шеренгу, словно приветствуя своё большое куриное

начальство. Вперёд, заметно хромя, вышла мама-Ряба и с достоинством поклонилась вошедшим, тут же, не сговариваясь, её примеру последовали остальные куры, включая самых маленьких цыплят.

– Ет чой-то? – искренне удивился Ермошка, который, как и остальные доможилы, никогда не достаивался куриного почтения. – Ет вы чего, с ума, штоль, все сегодня дружно посходили? Всю дурь-то на людях не выказывайте! Сроду как мимо пустого места пройдут, глазом не поведут, а тут, гляди-ка, поклоны гуртом²⁸ бьют!

– Дык, это ж куры! Кто ж их разберёт? У них и мозгов-то, поди, нету, – неожиданно с жаром поддержал домовёнка Бахтало. – Тем более оне – чур^аевские, как сам Чура^й – обалдуй, так и куры у него бешеные!

Презрев сказанное и не обращая внимания на невоспитанных юнцов, мама-Ряба с почтением обратилась к Оле:

– Приветствуем тебя, о повелительница! Мы очень рады, что ты решила посетить нас. Позволь выразить тебе наше глубокое уважение! Ты всегда можешь рассчитывать на нашу поддержку и помощь, мы готовы сделать для тебя всё, что в наших силах.

Оля очень удивилась, она, конечно, с каждым преобразованием в домов^ичку обнаруживала в себе новые удивительные способности, но разговаривать с курами ей ещё не доводилось.

---

²⁸ *Гуртом (устар.) – все вместе.*

– Да? Спасибо вам, мои дорогие! Я тоже рада, что вы теперь у меня есть... точнее, вы, конечно же, и раньше были, но я не знала, что вы так хорошо ко мне относитесь... – смущённо пролепетала она и, ласково погладив главную курицу по пёстрой голове, с сочувствием добавила: – У тебя ножка болит? Бедняжка!

– Пусть эти мелочи не тревожат тебя, наша добрая повелительница, – со вздохом ответила Ряба, – если мы понадобится тебе, то мы готовы прийти по первому же твоему зову, а сейчас позволь нам удалиться на покой.

– Да-да, конечно, поздно уже, – ответила Оля и в благодарность на прощание тронула Рябу за крыло.

– Ты глянь-ка, лопочут чего-то? По-своёму, по-куриному, – съязвил Бахталю, неприятно хохотнув.

Ермошка глядел на девочку с нескрываемым удивлением и любопытством, но нужно было срочно решать проблему с поросёнком, поэтому он отложил все вопросы к подруге на потом. Куры без лишнего кудахтанья и суеты удалились и притихли на своих жёрдочках.

Первым на правах хозяина начал разговор Ермошка, он примирительно приобнял цыгана за плечо и вкрадчиво заворковал:

– Ну чего нам попусту спорить, дорогой сосед? Неприятности с нашим строгим начальником не нужны ни тебе, ни мне. Сегодня праздник. Ну набедокурил Чурай по недомыслию, в этом нашей с тобой никакой вины нет. Пусть

начальник и разбирается. Отведём поросёя к Хату Закутычу, и всё. Наше дело – сторона. Он начальник, ему и решать, как с бедолаги заклятие снять.

– А вот уж нетушки! Ищи дурака! Это мой поросёнок, мой личный. Я его в честном бою у Чурая в шашки выиграл и за просто так никому отдавать не намерен.

Ермошка, теряя терпение, укоризненно покачал головой, затем, указав на совершенно растерянного, плачущего в уголке поросёнка, взмолился:

– Бахтало, ну разве тебе не жаль этого несчастного?!

Я же знаю тебя много лет, ты всегда был добрым и справедливым, ты же один у нас такой! Не какой-нибудь обычный дворовой, а единственный во всем районе, да что там в районе, во всём городе – конюшенный. Ваш ведь брат животных любит, жалеет, не то что эти олухи – дворовые!

– И не уговаривай, Ермолай Иваныч. Хочешь себе поросёнка заполучить, брильянтовый, тогда выиграй, чтобы всё по закону, а то ишь, возьми Бахтало да отдай своё добро, будто дурень распоследний.

– Знаешь что, многоуважаемый, я с тобой играть ни во что не буду. Наслышан, какой ты в играх-то ловкач! Обдурить для смеха, а из-за тебя человек пострадает. Догадываешься же, что это не поросёнок вовсе, а бедолага, что попал под горячую руку. Не могу я чужой душой рисковать, – упорствовал домовёнок.

– Ну хорошо, давай не в играх, давай лучше в полезных умениях соревноваться, – тут же предложил Бахтало.

Понимая, что другого выхода нет, Ермошка, угрюмо кивнув, согласился. Бахтало призадумался, видимо, перебирая в голове свои навыки, в которых бы он был заведомо сильнее. И тут конюшенного осенило: единственное, в чём ему не было равных среди домовых, – в верховой езде! Чуть помолчав, хитрый цыган продолжил:

– Выгодное дело, брат! Если обскачешь меня верхом, будь по-твоему, уступлю тебе своё добро!

– Как это обскачешь? Верховом на ком? – удивилась Оля.

Бахтало резко повернулся к ней, и его чёрные глаза сверкнули недобрый огнём:

– А вот на ком тебе скакать, яхонтовая моя, я буду выбирать! Потому как чернявый свин мой, а значит, и «коней» вам выбирать я буду. Всё по справедливости, драгоценная. Всё как надо. А то ведь у меня разговор короткий: пороса в охапку — и прощевайте!

Оля хотела было возмутиться этакой наглости: по какому, собственно, праву какой-то забредший невесть откуда незнакомец вдруг присвоил себе полномочия распоряжаться Колясиком, но Ермошка с жаром шепнул ей, чтобы не перечила своенравному цыгану. Домовёнок был рад, что упрямый и непредсказуемый шельмец вообще согласился на пари.

Меж тем Бахтало вальяжно прохаживался меж домовят и, по-хозяйски разглядывая их с ног до головы, фонтанировал наскоро сочинёнными экспромтами²⁹:

– Ты, Ермоха,
скачешь плохо,
без шума и драки
поедешь на собаке!

Видимо, цыган припомнил, сколь жалок затюканный вредным дворовиком больной щенок Куська, что дрожал

---

²⁹ *Экспромт* – (здесь) стихи, сочинённые быстро, на ходу, без подготовки.

сейчас от холода у будки. Весьма обрадованный затее, хитрец самодовольно продолжил:

– Я, Бахтало, как цветущая розочка,
мне подойдёт моя шустрая козочка!

– Эй! Это несправедливо! – возмутилась Оля. – Как же нашему маленькому Куське угнаться за здоровенной козой!

Ермошка стал испуганно шикать на девочку, интенсивно дёргая за рукав: «Угомонись, кулёма, а то как бы хуже не вышло!» Однако эти ухищрения не спасли, Бахтало, не скрывая мстительной ухмылки, обратился к Оле:

– Тебе, как самой молодой, –
скакать на курице хромой!

Огласив столь нелепое решение, цыган залился издевательским смехом, стуча себя ладонями по коленям и пританцовывая. Оля в бессильном негодовании не могла оторвать взгляда от того, как ликует подлый конюшенный, заранее предвосхищая свой успех в скачках.

Ермошка же, напротив, вовсе не выглядел печальным или возмущённым, его глаза горели решимостью и азартом предстоящих соревнований.

– Так, попрошу скрепить пари магической искрой, – охладив серьёзностью кураж цыгана, предложил домовёнок.

Для заключения магического пари всем участникам нужно было соединить правые ладони, положив их друг на друга, под вид слоёного пирога, а также всем вместе после оглашения условий спора троекратно сказать «клянёмся».

Условие пари гласило: чёрный поросёнок достанется тому наезднику (всаднику), кто первый верхом на своём «скакуне» от ворот чур^аевского двора достигнет конца улицы. Финиш решено было сделать у ворот заброшенного дома, где располагалась резиденция Хата Заку^тыча, главного начальника над всеми духами околотка. Команду к старту поручено было дать воронёнку Варерре по причине его исключительно громкого карканья. Вслед за общей троекратной клятвой над спорщиками должна была загореться и растаять микроскопическая синяя звёздочка, что скрепляла спор нерушимой магией. После этого нарушить или изменить уговор было невозможно, а нарушителю грозила неминуемая смерть.

И вот когда уже были оговорены все условия забега, на Олину ладонь легла Ермошкина, а сверху их накрыла коричневая, как у индуса, пятерня Бахтал^о и спорщики готовы были вот-вот произнести заветное «клянёмся», ритуал был грубо прерван оглушительным свистом.

Спорщики удивлённо уставились в сторону источника противного звука. В полумраке они не сразу разглядели маленького серого мышонка, который подпрыгивал, махал передними лапками, пищал и даже сумел свистнуть, как

заправский хулиганистый мальчишка. Зверёк явно протестовал, пытаясь всячески помешать свершиться договору.

Ермошка разомкнул трёхслойный «пирог» из ладошек и поднял на руки отчаянного грызуна. Чуть приглядевшись, обнаружил на малыше крохотную кепку цвета дорожной пыли и наконец-то узнал его:

– А, это ты, Чурай! Чего так встревожился? Сказать чего хочешь? Желаешь, наверное, обратно в своё обличие воротиться? Так нет, знай, что ты наказан! Чего там пищишь-то?

Все напряжённо прислушались. Мышонок-Чурай истошно орал:

– Злодеи вы, прохвосты! Решили без меня в моём собственном дворе хозяйничать?! Я вашу затею давно разгадал! Хотите меня с потрохами Хату Закутычу сдать. Вот, мол, это гадкий Чурай превратил постороннего дядьку в поросёнка, тёмной магией себя запятнал, да ещё и в Сытный день! Чтобы грозный господарь меня со свету сжил? Не бывать этому! Берите и меня в пари, я тоже за поросёнка биться желаю.

Спорщики переглянулись, как ни крути, а Чурай был прав. Он как хозяин двора, хоть и в мышинном обличье, имел все права участвовать в магическом пари. Да и, зная жульнический характер Бахтало, именно он, Чурай, скорее всего, и являлся настоящим владельцем поросёнка, если исходить из результатов шашечного турнира.

– Ну хорошо, дорогой, – уступил Бахтало.

Неизвестно, что тут сыграло большую роль: нежелание цыгана, чтобы всплыла история о проглоченной им таблетке валидола, что вот-вот готовилась стать «дамкой», или щемяще-жалкий вид сотоварища, превращённого в беспомощного мышонка, а может, то, что по большому счёту Бахтало никогда не считал Чур^ая равным по силе противником, – так или иначе, инициатор пари согласился принять в соревнование ещё одного участника:

– Будь по-твоему, – взгляд конюшенного упал на запуганного плачущего поросёнка, – на чёрном «жеребце» поскачешь, брильянтовый! На молодом, не объезженном! – Бахтало указал мышонку на его жалко похрюкивающего «скакуна». С ехидным смехом отметив про себя, что бедный хрюн, похоже, от страха вовсе разучился ходить.

Ритуал магического пари был возобновлён, в этот раз на трёхслойную пирамидку из ладошек сверху легла ещё и крохотная мышинная лапка. После троекратного «Клянёмся!» сумрачный сарайчик на миг осветила и тут же с нежным хрустальным звоном растаяла яркая магическая искорка. Пари было заключено.

СОВЕЩАНИЕ В ЧАСАХ

Глава одиннадцатая, в которой дзоровой в образе мышонка приходит в темницу к ужасным сараешникам...

После заключения магического пари Бахтало отправился в свой двор, чтобы привести козу Майку к старту. Чурай серым комочком затерялся где-то во тьме сарая, а Оля и Ермошка готовили к бегам своих «скакунов». Оля перевязала маме-Рябе больную ногу, но, увы, это никак не сказалось на ходовых качествах пернатой спортсменки. Оля сочувственно гладила курицу по шее, а та озабоченно поглядывала на неё то одним, то другим карим глазком, вертя головой особенно нервно.

Ермошка придирчиво обходил с разных сторон щенка Куську, на ходу мастера и прилаживая самодельные удила и уздечку, сплетённые им из разномастных ленточек и верёвочек, какие только смог обнаружить в чурьевских закромах. Куська же, надо заметить, был единственным из всей команды, кого ожидание предстоящих скачек не тревожило, а, наоборот, бодрило. Щенок энергично вилял хвостом, нетерпеливо кружа вокруг домовёнка, и весело подтягивал, искренне

радуясь вниманию домохозяина и возможности освободиться от привязи. Бежать наперегонки по улице он вовсе не страшился и, сказать по правде, давно мечтал вырваться за пределы опостылевшего двора.

По соседству с курятником, где и происходили вышеописанные события, скромно притулился сарайчик-дровяник. Он хоть и был на вид ветхим и неказистым, но в нём всегда было сухо, вкусно пахло стружкой и смолой. Ещё в сарае находились большие старинные напольные часы. Когда-то давно они принадлежали Олиному дедушке, и он очень дорожил ими. Часы были не только необыкновенно красивые, но и, по достоверным слухам, бродившим среди духов подворья, самые что ни на есть волшебные.

Однако замечательные часы в виде резной башенки красного дерева бабушка безжалостно выставила из дома прочь, дабы они ежечасным боем не напоминали о муже, ушедшем в мир иной, и не печалили. Но такая диковинка не могла долго оставаться без пригляда, и тогда внутри часов, словно в старинном замке, поселились самые настоящие волшебники – два брата, злые духи сараев и чуланов. Ныне часы служили не столько жилищем, сколько тюрьмой братьев-сараешников.

Могущественный и строгий начальник подворных **духов** Хат **Заку**тыч наложил на них ужасное заклятие за их прошлые злодеяния. К слову сказать, были сараешники теперь сами на себя не похожи: два сухих паука величиной

с металлические монетки качались в пыльной обездвиживающей паутине. Один паук чёрный да колючий – Кочебор Колядыч, а другой толстый и рыжий – младший брат Свирка.

Лишь их головы вместо паучьих тел напоминали, что раньше эти чудовища были хоть и зловредными, но всё же похожими на людей. Да и лица их изменились – в окружении противных паучьих лап обе физиономии сморщились, словно состарились в одночасье лет на сто, не меньше.

Мышонок-Чурай осторожно постучал в дверь часовой башни и, хоть никто ему и не думал открывать, юркнул внутрь.

– Гой, домови, я вашей крову! – вежливо, по установленному у духов подворья ритуалу поздоровался мышонок с пугающей темнотой часового чрева. – Не узнаете меня? Чурай это. Домовик Ермоха меня в мыша обратил, чтоб ему пусто было!

Вместо положенного отзыва «Гой еси, благо в дом неси!» Чурай услышал сдавленный, но от этого не менее обидный смех: гаркающий и колючий – Кочебора Колядыча и Свиркин – хитрый мелкобисерный. От хохота пауки стали по инерции раскачиваться вверх-вниз, а их искажённые страшными гримасами морщинистые мордашки запрыгали перед испуганными глазами мышонка. Даже в таком виде сараешники внушали страх. Чурай, конечно, был поставлен управляющим двора, но перед братьями-колдунами всегда робел.

– О-ой, уморил. Чур^{ай}, говоришь? И не узнать. Да как же тебя угораздило-то эдак в сам Сытный день вляпаться? – наперебой издевались над мышонком сар^аешники, хоть и сами были в гораздо худшем положении.

Сглотив обиду, Чур^{ай} выждал момент, когда веселье уляжется, и совершенно серьёзно продолжил:

– Невелика победа над чужой бедой смеяться! А наказан я за то, что случайно серьёзное колдовство свершил. Сам того не желая. Так что я теперь тоже вашего поля ягода, колдовская сила во мне образовалась, даж и не знаю как...

В ответ на страшное признание пауки только пуще запрыгали в магических тенётах, подскакивая от новых взрывов истерического смеха:

– О-ой, колдовство он свершил! Колдун какой тут серьёзный выискался! Щас животы надорвём от смеха-а...

Не в силах более сносить насмешки, мышонок тонко заверещал:

– Да я, между прочим, дядьку человеческого, что к хозяйкам в дом ходит, в поросёнка обратил! Вот разрази меня гром на этом самом месте! Да если господарь прознает, а я его ужась как боюсь, то висеть мне с вами рядом до старости! Вообще не знаю, что делать теперь!

Внезапно смех осёкся, будто кто-то нажал на выключатель звука, из темноты на мышонка таращились две пары округлившихся в изумлении глаз. Заметив произведённый эффект, Чур^{ай} продолжил срывающимся шёпотом:

– А теперь Ермоха со своей кралей и приبلудный ухарь – соседский конюшенный – заключили магическое пари на то, кому заколдованный поросёнок достанется. И я туда влез! Ввязался со страху.

– И каково же условие пари? – поинтересовался Кочевор Колядыч ледяным голосом, словно это вовсе не он, а кто-то совершенно посторонний сейчас закатывался в безумном хохоте на грани припадка.

– Удумали оне верхом скакать, кто на козе, кто на собаке... а мне мой превращённый кабанчик достался...

Кочебор хмуро ухмыльнулся, рыжий паук-толстяк Свирка тоже насупился и выжидательно косился из-под густых бровей. В этой резкой перемене настроения Чурай уловил не только удивление, но уязвлённое самолюбие и некоторую ревнивую обиду, ведь раньше волшебные штуки мог себе позволить лишь старший из братьев сараешников. Да и чтоб вот так, в один миг, без заклинаний, без подготовки превратить человека... это было не под силу колдунам даже рангом повыше, а тут какой-то посредственный дворовичок, которого недорослик-домовой в виде домашнего наказания обратил в мелкого грызуна.

Однако Кочебор как старший и более могущественный, не терпя конкуренции от выскочек-самозванцев, заносчиво продолжил допрос:

– Так, ладно. Шутки в сторону. Ну, допустим, достанется тебе поросёнок: и что ты с ним делать-то будешь? Снова в человека его обратишь?! И что, думаешь, тогда тебе твои проделки с рук сойдут?!

Мышонок совсем растерялся, сжался в крохотный серый комок и был уже готов разрыдаться, как тут суровый паук с головой Кочебора напомнил ему о недавнем деле:

– Помнишь ли ты, Чурай, что мы просили тебя принести? А?!

– Да помню-помню, как не помнить. Камень с дыркой, что девчонка с моря привезла, – гнусаво заныл мышонок. – Я два раза его пробовал достать: и Куца за ним подсылал,

и сам пытался. Но вы же знаете, в дом хозяйский мне ходу нет. Дык оне ещё чего придумали – поставили чудище зелёное да зубастое камень тот охранять. Рептилий этот ужасный – настоящий крокодил – чуть хвост Куцу не откусил, мне крысёныш сам рассказывал.

Пауки угрюмо переглянулись, и настроение у них стало ещё хуже. После небольшой паузы старший сараешник возобновил разговор:

– Ну хорошо. Хоть ты и не смог выполнить пустячного поручения... но мы щедры и великодушны – поможем тебе, так и быть.

Круглые глаза-бусинки мышонка загорелись надеждой, затаив дыхание, он внимал словам Кочебора Колядыча.

– Поможем тебе скачку выиграть. Только уж и ты не оплошай: как только придёшь первым, порося – хватать, и сразу сюда веди. Спрячешь его в дровах, а девчонке скажи, что получит она своего сродственника, только если камень нам отдаст.

– Да-да, всё сделаю, как прикажете, только помогите мне из беды этой выкрутиться! Я ж завсегда вам услужу!

– Ладно, Чурай, слушай внимательно: собери золотую пыль с наших паучьих лап, она волшебная, колдовством пропитана. Да гляди, будь осторожен – паутину не задень, а то вмиг окоченеешь, тогда вместе с нами будешь в тенётах век доживать.

Мышонок привстал на цыпочки и начал осторожно стряхивать с жутких паучьих лап на тряпицу драгоценную

волшебную пыль. Его бил нервный озноб. Чур^ай знал – нужно торопиться, ведь скачки должны начаться с минуты на минуту, но и страшную магическую сеть паутины никак нельзя было задеть. Любое неверное движение могло привести к непоправимым последствиям.

Наконец Чур^аю удалось собрать две пригоршни золотой пыли, он аккуратно завязал её в узелок и приладил его себе на пояс, чтобы в нужный момент колдовство оказалось под рукой, точнее – под лапой.

Проследив торопливые действия мышонка, Кочеб^ор Колядыч удовлетворённо хмыкнул и приглушённо продолжил наущения:

– Тебе главное – хоть один разок на своём хрюне вперёд всех вырваться. Лучше это прямо сразу на старте сделать, когда оне меньше всего подвоха ожидают. А как вперёд вырвешься, так обернись и брось перед ездоками на земь всю пыль. Да скажи заклинание:

— Откройся пасть,
чтоб туды им пасть
да и в ей проп^асть!

Громко скажи, тут перед имя пропасть и разверзнется. Упадут в неё соперники, вот ты один-разъединый победитель и останешься, а там уж, поди, как-нибудь своёва поросся до финишу-то доведёшь.

Мышонок от напряжения встал на задние лапки и нервозно подёргивал усами.

– Заклятие хорошо запомнил?

Чур^{ай} быстро закивал и, не откланявшись, как того требовала церемония, кинулся наутёк, лишь махнув сараешником на прощание лапкой.

Когда дверца за посетителем захлопнулась и в сарае затих торопливый мышиный топоток, Кочебор обратился к младшему брату:

– Слышь, Свирка, снова в нашу темницу стучится надежда. Ведь только стоит нам заполучить заветный камень куриный бог, мы не только сможем вернуть себе свободу, но и магические способности приумножим. Да ещё и куриная свора нам поклонится, те, кто вообще никому из **духов** неподвластны.

– Догадался уже. Знаю, любое желание куриный бог исполнит, а у нас сейчас только одна мечта – из неволи выбраться.

– Не бойсь, братишка, выберемся. Нам бы только камушек раздобыть! Люто покараем супостатов! Сперва ненавистного Ермоху со свету сживём, а затем и девчонку со старухой. Всю власть к рукам приберём. Уж попомнят оне! За все наши обиды поплатятся!

СКАЧКИ

Глава двенадцатая, в которой происходит решающий заезд всадников, однако скачки завершаются весьма неожиданно...

Несмотря на все опасения, мышонок успел к началу соревнований вовремя, даже ещё пришлось несколько минут подождать, когда к стартовой черте подведут хромую курицу. Сидеть верхом на Рябе Оле было очень неудобно. Хозяйственный и смекалистый Ермошка, надо отдать ему должное, сумел приладить на курицу и щенка по самодельному седлу, что вырезал из старого валенка, да ещё ему удалось затянуть на этих скакунах наскоро сплетённую сбрую. Невзирая на все приготовления, бегуны не внушали домовёнку радужных надежд: щенок был совершенно непредсказуем, а Оля, несмотря на кукольные размеры, была слишком тяжёлым седоком для раненой птицы. Хотя, к слову сказать, куры и вообще-то мало годятся на роль ездовых.

Последним к старту явился Бахталю, гордо восседая на козе Майке. В отличие от остальных жокеев у него имелось

всё необходимое для скачек снаряжение, даже хлыстик, что обычно покоился в голенище сапога. Длинная Майкина шерсть была любовно украшена разнокалиберными косичками с вплетёнными в них лентами и нитями бус. Даже при беглом взгляде на цыгана каждому становилось понятно, что он частенько упражнялся в верховой езде. Бахтало сидел в седле словно влитой, а коза, хоть и не была полноценной скаковой лошадью, но слушалась своего наездника беспрекословно. Такой выездкой совершенно не могли похвастаться остальные всадники.

Щенок Куська, охваченный бурной бестолковой радостью, вертелся во все стороны, гонялся и лаял на летящую по ветру листву и вообще вёл себя крайне несерьёзно. Мама-Ряба, сомневаясь, что одолеет даже половину дистанции, совсем приуныла. Бедный поросёнок, развернувшись к беговой дорожке задом, жалобно похрюкивал, нелепо тыкаясь пяточком в мёрзлую землю. В беспорядочных обрывочных мыслях заколдованного Колясика крутилось только одно желание: забиться в самый дальний угол, чтобы его никто не трогал, и уснуть, а проснувшись, понять, что весь этот ужас и позор – лишь страшный сон и наваждение...

Словно из-под земли вынырнул услужливый Мудр Умильч, напоминающий сухую ветку крючковатого дерева, ведь ни одно более или менее значимое в посёлке дело не могло состояться без вмешательства личного секретаря великого

Хата Закутыча. Именно он – Мудрик, заранее заботясь о соревнованиях, прямо на земле начертил старой малярной кистью, обмакнутой в дёготь, стартовую полосу. Перед заездом секретарь ещё раз огласил условия:

– Выигравшим считается тот-с, кому первому удастся заехать верхом-с в ворота резиденции нашего господаря-с.

Калитка во двор ветхой заброшенной развалюхи, которую секретарь претенциозно именовал резиденцией, уже давно никем не запиралась. Но дабы наездники не промахнулись мимо финиша, покосившиеся воротца были щедро увешаны красными флажками, что празднично пульсировали на ветру.

Воронёнок Варерра, приняв на себя важную миссию стартового сигнала, уже сидел на высоком заборе. Он то и дело вытягивал шею, поглядывая кругом: «Как бы чего важного не пропустить!»

Но особенно поразило Олю обилие заполонивших улицу зрителей.

– Оказывается, у доможилов слухи распространяются даже быстрее, чем у местных охочих до сплетен тётушек! – поделилась она соображениями с Ермошкой.

– Да что ты, касатка, ето ж для них великое развлечение! Не обращай внимания, – посоветовал домовёнок, – сосредоточься на соревнованиях!

Но она не могла понять, как можно не замечать толпы любопытных ротозеев, массово высыпавших поглазеть

именно на них, в том числе и на неё, вовсе не привыкшую к такому вниманию.

Кого тут только не было: аккуратно одетые домовые целыми семействами, с детьми и стариками, жуликоватые дворовые, все как на подбор похожие на Чурая, кое-как прикрытые полотенцами и вениками банники, скарбники, чердачники, шишиги и даже несколько молодых чумазных гаражных в одинаковых рабочих комбинезонах. Домосед-усадебник, подхваченный всеобщим ажиотажем³⁰, вышел из своих богатых угодий, пыхтя дорогой сигарой. Засобой он волочил раскладное кресло, дабы насладиться шоу с должным комфортом.

Оля с удивлением отметила, что может теперь без труда отличить, например, домовых от дворовых или от чердачников. Если домовые были причёсанные, приятные лицом, румяные, то зрители дворов выделялись неопрятностью, серой кожей и узкими, близко посаженными глазёнками.

Каждый клан отличался друг от друга так же сильно, как разные человеческие расы. Только вот сараешников на первый взгляд отличить было проблематично, разве что по злым колючим взглядам и особой вычурности в одеяниях (тогда Оля ещё не знала, что сараешники – это бывшие домовые, разжалованные за какие-либо непростительные провинности).

Зрители выстроились по обеим сторонам улицы, не смея заступать на беговую дорожку. Вдоль дороги зажглись

---

³⁰ *Ажиотаж – повышенное возбуждение, когда масса людей охвачена единым желанием обладать чем-либо.*

фонари, стало заметно, что тёмные тени вдоль заборов словно кишат живыми сказочными гномами. Однако припозднившийся сосед – дядя Семён, получивший кличку Политический благодаря неизменному кожаному плащу и кепке, прошествовал сквозь скопления маленьких болельщиков, совершенно не подав виду. Даже, возвышаясь, как Гулливер над лилипутами, мужчина не мог не заметить копошащихся под ногами доможилов. «Люди просто нас не видят!» – догадалась Оля.

Компания юных домовят-закутошников из нового многоквартирного дома с окраины посёлка явно представляла личный Ермошкин фанатский клуб. Так же, как у него, их рубашонки были обильно увешаны значками, а причёски украшали вороньи пёрышки. Поклонники даже успели нацарапать и натянуть меж двумя черенками швабр плакат, который лаконично призывал: «Ермолай, вперёд давай!»

Удивительно, но позади доможилов толпились куры, у которых на предстоящих скачках тоже была своя фаворитка³¹. Заприметив сородичей, Ряба разволновалась ещё больше:

– Оля, прошу, приложи к моему лбу твой талисман. Я говорю про камень, что висит у тебя на шее. Пусть он даст мне сил и мужества пережить это испытание.

---

³¹ *Фаворитка – любимица. На бегах, скачках: лошадь (или другое животное, участвующее в скачках), имеющая наибольшие шансы на успех.*

Оля, не смея перечить раненой подруге, которая готова была вот-вот упасть в обморок от нервного напряжения, послушно приложила свой любимый кулон к пёстрому куриному лбу. В ту же секунду она почувствовала, что камушек завибрировал под её пальцами, от него словно бы исходили электрические волны, что наполняли вялую Рябу живительной энергией. Курица заметно взбодрилась, даже её гребешок стал ярко-рубиновым, будто его подсветили изнутри.

Мама-Ряба выпрямилась, приосанилась, выпятила вперёд грудь и даже стала бить ногой землю, как боевая лошадь в предвкушении атаки. Куры на задних зрительских рядах одобрительно закудахтали, захлопали крыльями, явно поддерживая беговой тандем «Оля и Ряба».

Чур^{аю} в обличье мышонка было немного стыдно показываться перед соплеменниками, но он объяснил подошедшим к нему товарищам, что таким образом он облегчил свой вес как седока, ведь ему достался самый капризный и неопытный «скакун». Вообще мышонок на чёрном поросёнке смотрелся, как индийский погонщик на слоне, у которого почему-то — может, от недостатка витаминов — не вырос хобот.

Наконец все предстартовые приготовления были завершены, наступил ответственный момент. Мудр Умилыч, как опытный спортивный арбитр, встал рядом с атлетами и поднял руку. Одновременно с резко опущенной рукой

Мудрика оглушительно каркнул воронёнок, и состязание началось.

Ездоки сорвались с места и понеслись вскачь. Но сразу же после старта **Чурай** вдруг стал вести себя совершенно неспортивно. Мышонок неожиданно впился острыми, как иглы, зубами в холку поросёнка. Тот отчаянно взвизгнул от боли и со всех ног припустил вперёд. Как только **Чурай** на укушенном чёрном скакуне очутился в авангарде, он тут же сорвал с пояса мешочек с волшебной пылью и, бросив позади себя, пропищал заветное заклинание:

— Откройся пасть,
чтоб туды им пасть
да и в ей пропасть!

Тут же произошло нечто необъяснимое. Казалось, под ездоками разверзлась сама земля. Ермошка на щенке и Бахтало на козе кубарем падали вниз, а дно всё удалялось, словно гигантское чудовище раскрывало алчный зев, пытаясь проглотить их целиком. Поросёнок, чудом не соскользнув в бездну, продолжал движение, однако с перепуга норовил бежать не прямо, а кидался из стороны в сторону. Постоянно сбиваясь с курса, спортивный дуэт «**Чурай** + Колясик» худо-бедно приближался к финишу.

Зрители взревели, взвились, а **усадебник** в запале даже сломал пополам свою толстую сигару. Отчаянные вопли

болельщиков смешались с завываниями бешеного ноябрьского ветра. «Ишь, как буря-то разгулялась!» – легкомысленно удивились жители посёлка, прислушиваясь к страшному нечеловеческому хору, сидя в тёплом уюте и безопасности. Да, действительно, из окон домов не было видно той жуткой драмы, что разыгрывалась сейчас в маленьком переулке.

Оля и Ряба отставали от остальных ездоков с самого старта. Они тоже сначала почувствовали, что проваливаются вниз в засасывающую смертельно опасную бездну. Но потом, словно невероятная неведомая сила подхватила их.

Оля зажмурилась.

В ушах захлопало.

Сердце остервенело колотилось, будто было готово вот-вот вырваться из тела.

Задыхаясь от ужаса, Оля судорожно вцепилась в пёструю шею Рябы и не сразу поняла, что её пернатая «Сивка-Бурка» в самый что ни на есть трудный и решающий миг вспомнила вдруг, что она всё-таки птица. Расправив крылья, мама-Ряба благополучно перелетела разверзшуюся под ногами жуткую яму.

Открыв глаза, Оля увидела, что впереди маячит зад чёрного поросёнка. Из последних сил она крикнула:

– Э-э-эй! Дядь Коля, стойте! – И уже совсем истерично: – Стой, тебе говорю! Никола-а-ай! Если жить хочешь, остановись!

Услышав, что кто-то зовёт его человеческим именем, а не «свин», «кабан» или «хряк», бедолага приник к холодной земле и совершенно по-человечески разрыдался. Сколько бы в безумии отчаяния мышонок ни кусал, ни пинал, ни взывал к совести плачущего поросёнка, тот только лил слёзы и ни в какую не желал продолжать скачку.

Видимо, Колясик сквозь дымную завесу навалившегося на него ужаса всё-таки понял, кто именно эта кукольная девчушка, что обогнала его сейчас верхом на курице, и что она так же, как и он сам, не желает его пребывания в мерзкой свиной личине. А главное, он успел осознать, что

от того, как он сейчас поступит, зависит вся его дальнейшая жизнь.

Ряба вошла в необъяснимый раж. На волнах эйфории она со всех ног бежала к финишу, не чувствуя ни страха, ни боли в подбитой ноге. Иногда хлопая крыльями, она перелетала несколько метров по воздуху. Оле приходилось неудобно задирать ноги, потому что их просто-напросто подкидывало крыльями.

Наконец они вбежали под красные флажки и очутились во дворе господаря – главного начальника всех доможиллов посёлка. Здесь их встретил секретарь Мудр Умилыч, который махнул рукой и возвестил о том, что гонка окончена неоспоримой победой всадницы Ольги на «скакуне» курице Рябе.

Только теперь Оля с ужасом осознала, что её друг Ермошка упал в бездонную пропасть и наверняка разбился насмерть. Победа в скачках теперь вовсе её не радовала. Она не знала, что дальше делать с поросёнком-Колясиком, а главное — не представляла себе жизни без любимого домовёнка.

СУРОВЫЙ ПРИГОВОР

Глава тринадцатая, в которой оглашаются не только результаты магического пари, но и кое-кому выносятся суровый приговор...

Мудр Умилыч встретил оставшихся участников забега с таким ледяным выражением лица, что Оля и мышонок, не на шутку струхнув, догадались – сейчас должно произойти нечто чрезвычайно важное. Секретарь открыл обшарпанную старую папку и торжественно зачитал:

– Да свершится условие-с магического пари непреклонно и справедливо-с! Любой-с протест отклоняется!

В ту же секунду прямо в воздухе возникла крохотная синяя искорка и тут же рассыпалась на десятки светящихся точек, что с печальным звоном растаяли в ночном воздухе.

– Пари считать-с состоявшимся! – с напускной патетикой³² провозгласил секретарь, а затем уже более мягко добавил: – Гонка окончена-с полной и неоспоримой победой-с домовицы Ольги из домовладения Ермолая Ивановича Добродея!

---

³² Патетика (от греч. *pathetikos* – страстный, полный чувства, воодушевления) – возвышенный, взволнованный тон в высказывании, показе чего-либо.

Девочка услышала, что где-то там, на улице, зашумел-захлопал-затопал запечный народец, радуясь её победе. От этого настроение девочки не стало светлее, тёмные тучи только сильнее и непрогляднее сгустились в растревоженном сердце. Ей хотелось закричать: «Где же Ермошка, где Куська?», забиться в истерике, но вместо этого она застыла неподвижно, словно оцепенев от горя и пережитого ужаса.

Мудрик продолжал вещать невозмутимым бесцветным голосом, приказав поросёнку перейти в полное владение победительницы и отныне считаться её собственностью. «Да зачем он мне вообще сдался? Что я маме-то скажу? Вот посмотри, дорогая мама, как я тебе всегда и говорила, твой новый муж оказался – свинья свиньёй?..» – забежали в Олиной голове испуганные мысли.

Но очумелый от пережитых страданий Колясик охотно подбежал к падчерице и послушно встал у неё за спиной. Видимо, он явно желал показать, что покорился судьбе и готов следовать за новой хозяйкой хоть на край света. «Вот ведь не было печали...» – обречённо подумала Оля, заметив, как безотрывно, с искренним обожанием уставились на неё преданные поросычьи глазёнки.

Меж тем бесстрастный **Мудрик** щёлкнул пальцами, и во дворе оказались все участники забега, живые и невредимые. Фигуры Бахталю с его модной козой и домовёнка верхом на Куське словно выткались из воздуха и стояли

теперь как ни в чём не бывало. Оля даже рот открыла от неожиданности.

Радостный Ермошка был совершенно не похож на пострадавшего в ужасной катастрофе. Без лишних объяснений он тут же кинулся к Оле с поздравлениями. Но вместо радости и положенных по такому случаю объятий она вдруг разрыдалась. На лице домовёнка застыл удивлённый вопрос, на который Оля ответила, не дожидаясь произнесения его вслух.

– Я думала, ты погиб! Я думала, что вы всё! Уж думала, больше никогда-никогда не увижу ни тебя, ни Куськи!

Но вместо того чтобы пожалеть подружку, домовёнок стал вдруг фонтанировать бурными восклицаниями:

– А мы, представляешь, р-раз — и в яму! Вот это да-а! Летим-летим, летим-летим, а дна-то так и нету! Так и не упали, токма полетали! Потом слышу, хлопок «бабах!», и сразу туточки оказались! Во как!

– Это, гражданин Калиткин воспользовался-с недозволенным заклятием-с «бездонной пропасти», затем через несколько минут-с оно само собой схлопывается, только вот разбросать вас могло-с куда угодно-с, я лишь направил вас сюда-с, – пояснил Мудр Умильч, чей подчёркнуто сдержанный тон по-прежнему не сулил ничего хорошего.

Секретарь быстро поискал глазами виновника сего происшествия – Чурая. Мышонок, решив воспользоваться суеютой, хотел под шумок незаметно исчезнуть, избежав

наказания. Но тут сверху на него набросился гигантский кот Спун, что всё это время лежал на крыше дома и наблюдал за происходящим сверху. Рыжий котище величиной с крупного тигра поднял Чураю за хвост, и теперь мелкий грызун беспомощно барахтался в воздухе, противно вереща и потешно грозя кому-то микроскопическими кулачками.

При должном усердии, если хорошенько прислушаться, можно было различить примерно такое: «Бессердечные ненавистные ироды! Да если б вы знали, в старые добрые времена дворовым в Сытный день вообще в подношение варёных кур приносили, а меня в мои же именины за хвост таскают, при всём честном народе позорят...» и т. д.

Видимо, та часть монолога, что касалась подношения в виде курятины, была мамой-Рябой дословно расслышана, потому как она, закатив глаза и опершись на забор, была готова вот-вот потерять сознание. Подбежавший к Рябе добрый и услужливый щенок Куська поддержал впечатлительную наседку, не дав ей упасть.

– Попрошу выслушать приговор-с, – многозначительно процедил секретарь и посмотрел на мышонка так, будто уже поставил точку в страшном судебном решении.

Круглые мышинные глазки-бусинки увлажнились, понимая, что сейчас его настигнет страшная неминуемая кара. Подсудимый, словно прощаясь с радостями жизни, решил сделать напоследок то, чему всегда так любил предаваться на воле. Несчастный зажмурился и прошептал:

– Веретёшки-веретёшки,
покружите по дорожке!

Тут же на земле образовалось несколько пылевых вихрей, и они закрутили свои крошечные ветряные карусели, неся кругами облетевшие листики, снежную крупу, мелкие веточки, пыль и случайный мусор. Маленькие торнадо, потанцевав по чужому двору ещё какое-то время, словно догадались, что уже не приносят их создателю былой радости, и, смутившись, замерли.

Чура**й** больше ничего не говорил, продолжая лишь дёргаться всем тщедушным мышиным тельцем, но теперь это было похоже не на истерику, а на нервный тик.

Мудр Уми**л**ыч одним щелчком длинных крючковатых пальцев прекратил трепыхания мышонка, погрузив того в магическое оцепенение, так что свой приговор Чура**й** выслушал молча и абсолютно бесстрастно.

– Именем господар**я** сего околотка-с, мудрейшего и милосерднейшего Хата Заку**т**ыча, провозглашаю-с: дворово**го** Чура**я** Калиткина за преступный сговор с осуждёнными сара**е**шниками и применение-с сразу двух запретных заклятий во время Сытного дня, а именно-с: заклятия обращения человека в зверя-с и заклятия «бездонной пропасти» – осудить-с общественным порицанием-с и лишить образа живого-с. Приговорить к трёхлетнему пребыванию-с в виде сучка в дворовой метле-с. Наказание считать с сего дня-с включительно.

В ту же секунду вместо безвольно висящего мышонка в могучей кошачьей лапе образовался обычный, на первый взгляд, сучок, который силуэтом неуловимо напоминал некоего знакомого серого гражданина в кепке.

Прутик нервно подёргался и, вырвавшись из железной хватки Спуну, полетел в направлении родного двора, чтобы на целых три года найти успокоение и пристанище в компании таких же тонких прутиков, соединённых вокруг одного древка. Да и как по-другому? Ведь главная цель и обязанность смотрителя двора – охранять и поддерживать порядок в родимой вотчине, а метла – главная в этом помощница.

Все проводили взглядом улетающий прутик, стало немного грустно, хотя в справедливости начальственного решения никто, конечно же, не усомнился.

– Тебя, Бахтало Колоброд, – продолжил секретарь, обращаясь к цыгану, – наш великодушный господарь снисходительно милует-с, однако пристально следит за твоими проделками-с, потому как все проказы мудрейшему и милосерднейшему досконально известны-с. Ступай покуда, но помни, что любое, даже великое терпение – не безгранично-с. Более ни на какие поблажки можешь не рассчитывать-с.

Цыган хотел было помахать на прощание шляпой, но отчего-то осёкся и передумал. Стало заметно, что Бахтало ссутулился и сник. Он никак не ожидал, что окажется в проигравших, и глубоко переживал неудачу. Как побитый побрёл он к выходу, ведя под уздцы свою холёную козу Майку.

Чувствуя, что присутствующие смотрят ему вслед, конюшенный всё же решил не покидать поле битвы без последнего слова.

– Не очень-то и хотелось! – сурово буркнул Бахтало, будто выстрелив в обидчиков словами, и уже совсем другим, елейным голоском проворковал в кудрявое ухо козочке: – Явэн кхарэ³³, Майка! Ту мири камлы³⁴.

---

³³ *Явэн кхарэ (цыганск.) – пошли домой.*

³⁴ *Ту мири камлы (цыганск.) – ты моя любимая.*

ХАТ ЗАКУТЫЧ

Глава четырнадцатая, в которой решается судьба несчастного поросёнка, а Оля узнаёт о своей невероятной способности...

По затихающим за оградой голосам Оля поняла, что запечная публика расходится по своим владениям, вдоволь напитавшись бодрящей энергией спортивного зрелища. Меж тем как перед ней немым укором стоял «животрепещущий вопрос», именно живой и трепещущий. Стоял он тихонько, и, казалось, как-то укоризненно похрюкивая. «Вопрос» этот был вполне упитанный, чёрный, с задорным пятчком и весёлым хвостиком-спиралькой. Он безотрывно глядел на неё маленькими глазками в обрамлении коротких и почему-то совершенно белых ресниц и всем своим видом вопрошал: «А что же со мной будет?! А?!»

– Э-эй, Колясик, ты где свои очки потерял? – беззаботно подтрунивал над поросёнком Ермошка. – Тоже, небось, цыгану в шашки проиграл?

– Ермошенька, перестань сейчас же! Ты что, не видишь? Он плачет, – жарко зашептала Оля. – Куда я его дену? Как маме покажу?

– А что, может, ну его! Пусть для профилактики на четырёх копытцах месяцок побегает? А там, гляди, и к новому столу холодец будет знатный. А чего? Жизнь-то какая у свиней: поел и лежи на боку, чтоб жирок завязался, – ёрничал Ермошка, несколько не снижая громкости в голосе, специально, чтобы поросёнок обязательно его услышал.

Бедный Колясик снова впал в ступор, его начала бить нервная дрожь.

– Как тебе не стыдно! – вспылила Оля. – Разве ты не видишь, как он страдает? А что будет с мамой, мне вообще даже страшно представить. Ну что делать-то?

Ермошка великодушно убрал с лица глумливое выражение и сказал уже совершенно твёрдо и серьёзно:

– У нас теперь одна дорога – к Хату Закутычу, только ему под силу такие заклѣтия снимать. Он – господарь, у него левая рука – карающий посох, а правая – исцеляющий. Надеюсь, вернѣт Колясику его прежний вид, хотя, думаю, как он был натуральной свиньѣй, так и...

Оля не дала Ермошке договорить, а поспешно отвела поросѣнка в сторону, уверив: «Не слушай его, мой хороший, он шутит. Мы тебя спасѣм!»

Оля хорошо помнила, как в конце лета они уже посещали резиденцию большого начальника доможилов и как для неё это чуть не обернулось трагедией. К тому же к тронному залу Хата Закутыча нужно было пробираться длинными подземными коридорами. И хоть ей было страшно, она

решила: будь что будет, но Колясика надо во что бы то ни стало выручать.

Оля уже стала внутренне настраиваться на длинное путешествие по подполью, как тут же снявший с себя маску бесстрастного судьи и вернувший себе былую участливость Мудр Умилыч любезно предложил:

– Разрешите услужить-с? Готов значительно сократить вам дорогу-с. Я, как местный доможил-с, легко могу перенести вас в мою скромную каморку, так что не нужно-с будет вам два часа подземными тропами ноги бить-с.

Девочка и домовёнок очень обрадовались столь замечательному предложению, поросёнка Колясика решено было тоже захватить с собой, чтобы больше никто из подгулявших дворовых не успел его присвоить. Взявшись за руки, они встали вокруг поросёнка, словно собирались водить вокруг него именинный хоровод. Мудрик прошептал смешное «домовозвратное» заклинание: «Кудой-с? Тудой-с! Скорей домой-с!» — и вся компания оказалась в тесной, заваленной пыльными книгами комнатке секретаря, больше похожей на хранилище заброшенной библиотеки.

– Я сию минуту-с доложу о вашем прибытии-с Хату Закутычу, а вы куда-с в кабинете обождите-с.

Олю немало удивило то, что буквально минуту назад во дворе Мудрик называл свою комнатку каморкой, а теперь она вдруг стала кабинетом. И вообще, прибыв в свой обычный мирок, Мудрик сразу из доброго знакомого

превратился в клерка и бюрократа. «Ну да ладно! – подумала Оля. – Бабуля вон вообще свою спальню любит именовать кельей. Так и говорит частенько: «Пошла я, доча, в свою келью»».

Оля вдруг поняла, как сильно она соскучилась по бабушке, по кукольному закутку, игрушкам, коту Марсику и по своей простой спокойной жизни, в которой всё так размеренно и предсказуемо. Чтобы отвлечься от невесёлых мыслей, девочка стала рассматривать стеллажи и полки, заставленные книгами, папками и разным магическим скарбом.

Ермошка, воспользовавшись отсутствием хозяина, уселся на его готический стул с длинной резной спинкой и, бесцельно перекладывая стопки бумаг на рабочем столе, принялся изображать секретаря: «Так-с, кто у нас тут с прошением-с? Вы на сегодня-с не записаны-с. Так что извольте-с выйти-с вон!»

Оля хотела осадить сорванца, но тут её взгляд упал на весьма занятный фолиант — «Будущие записи конторской книги Отселухинского околотку касательно семейственных изменений доможилов». «Интересно, как это – будущие записи? Книга, где ещё только предстоит появиться записям? Чистая бумага или книга с записями будущего?» – недоумевала она.

Совершенно не задумываясь, а желая удовлетворить разыгравшееся любопытство, она открыла тяжёлый том.

Серые ветхие листы были испещрены датами, именами, адресами.

Автоматически Оля стала искать глазами свой адрес и наткнулась на абзац, помеченный красными чернилами: «Домов~~ой~~ владения номер восемь по Колёсному переулку Ермолай Иванович Добродей женился на условной домовице Ольге... взявшей в браке прозвание Добродей... в данном семействе родились домовята-полукровки: Даниил Ермолаевич и Анфиса Ермолаевна Добродеи...»

Словно увидев что-то очень страшное, Оля захлопнула увесистый том столь поспешно, что над книгой закудрявились клубы пыли. От хлопка поросёнок, переполошившись не на шутку, стремительно выбежал из-под стола, где так ненадолго нашёл желанное уединение. От неожиданности вздрогнул даже отважный Ермошка:

– Ты чего там, дохлого сараешника увидала?

– Д-да нет, случайно к-как-то п-получилось, – неумело соврала Оля, потому как сказать правду у неё просто не повернулся язык.

«Это что же?! Значит, мы с Ермошкой поженимся?! Вот это да-а-а...» – сбесившиеся мысли в Олиной голове наскакивали одна на другую. Она внимательно посмотрела на домовёнка, что забавлялся, изображая Мудрика, которому вдруг зачем-то, по прихоти озорного лицедея, вздумалось сочинять стихи. Ермошка, закинув ноги на стол, с надрывной патетикой в голосе оглашал тесное помещение виршами собственного сочинения:

— Я люблю свою работу-с,
Я приду сюда в субботу-с,
Я приду-с и в воскресенье-с,
И приду-с в свой День рождения-с...

Допридумывать оду, главным героем которой был явно не кто иной, как Мудр Умилыч, Ермошке не удалось. Двери отворились, и секретарь любезно пригласил друзей на аудиенцию:

– Вас ждут-с.

Домовята и семенивший за ними поросёнок зашли в приёмный зал **господаря**. Всё пространство помещения было окутано ветками, корнями, лианами, что прорастали сквозь стены, потолок. Вся эта буйная растительность исходила из одного центра, им был – сам Хат Закутыч, гигантским пнём вросший по пояс в дощатый пол. Из массивного ствола шли крючковатые корни, что уходили сквозь доски и распространялись, наверное, очень далеко, возможно, по всей территории посёлка. Но лучше было даже не думать об этом.

Его тёмно-коричневое лицо избородили глубокие морщины, словно кору старого дерева. Господарь имел смешанную животное-древесную природу, потому как порос не только лишайниками и листвой, но и седыми клочковатыми волосами. При каждом повороте или малейшем движении тела слышался сухой древесный треск, а пожелтевшие листики с его ветвей осыпались на пол.

Кот Спун успел какими-то своими волшебными ходами обогнать домовят и возлежал теперь у подножия хозяина, словно учёный кот у знаменитого дуба в Лукоморье.

Несмотря на то что Спун безобидно дремал и даже довольно урчал, а все мы, конечно, знаем, что мурлыканье у кошек — первый признак хорошего настроения, выглядел он довольно устрашающе.

Размерами котяра был равен тигру, а его милое мурчание, если так можно выразиться, больше напоминало надрывный рык старого бабушкиного холодильника, что иногда пугал даже самую владелицу. К тому же ещё был свеж в памяти молниеносный прыжок котика и беспощадное его содействие при суде над мышонком-Чураем.

Хат Закутыч поднял тяжёлые веки и внимательно осмотрел пришедших. Олино сердце заколотилось и ухнуло в пятки. Да и неудивительно! После прошлого посещения древесного старика она получила магическую контузию и на какое-то время даже лишилась речи. Пронзительный взгляд **господаря** остановился на поросёнке, который жался к девочке и дрожал всем телом.

— Знаю вашу беду, — глухим голосом, похожим на скрип старого дерева, минуя всяческие церемонии и приветствия, первым заговорил **господарь**. — Но даже я, хоть и поставлен верховодить над всеми доможилами **округи**, помочь вам никак не смогу. Даже мой милующий посох здесь бессилен.— **Господарь** поднял вверх длинную руку, похожую

на ветку, словно демонстрирую беспомощность своих чар. – Твой родственник стал жертвой спонтанной магии, и снять столь сильное заклятие может только настоящее чудо.

Оля вдруг почувствовала, что перед глазами у неё всё поплыло, а из-под ног уходит твёрдая поверхность. Не в силах больше сдерживать слёзы, она разрыдалась.

– Не ублажи дворового хозяина в Сытный день – уйдёт он со двора, а на своё место прийдёт Лихого, а если уж его законное подношение отобрать, то может так осерчать, что и сам рад не будет, – сочувственно проскрипел Хат Закутыч.

– Муррк, да какой же этот дворовой – хозяин-то?! – вдруг вальяжно вмешался в разговор кот Спун. – Хулиган и мяутежник! Вошел в сговор с осуждёнными злодеями, запретными заклинаниями кидался, бессовестно мяухлевал в магическом пари, а ещё и так озлился, что человека обратил и совсем замяучил его беднягу! Да за одно это можно его на веки вечные рядом с сараешниками в темницу подвесить!

– А ты давай не подьелдыкивай³⁵! – незлобно цыкнул на кота Хат Закутыч. – Чурайка молодой ишшо, горячий, вот охланётся, поймёт политику. Посидит в прутиках, научится ценить свою прежнюю жизнь. Наказать-то оно никогда не поздно.

Хат Закутыч пристально поглядел на безутешную Олю, на Ермошку, что гладил её по руке и никак не мог успокоить,

---

³⁵ *Подьелдыкивать (устар.) – (здесь) зло насмехаться; язвить; поддевать.*

на дрожащего поросёнка, у которого настоящие человеческие слёзы текли уже потоком, и возвестил:

– Ладно, раз вы так опечалены, то так и быть, подскажу, есть одно решение. То, что я, старый, не смогу, то домовица запросто сладит.

Оля подняла на господаря лицо, и в глазах её отразилась надежда.

– Сама, говорю, сумеешь вернуть своему знакомцу его человеческий облик, ведь магический камень у тебя на шее висит, а он исполнит любое твоё желание. Но вот мой тебе совет – забудь ты про этого никчёмного дядьку. Знать, судьба у него такая – свином век доживать. А ты можешь стать богатой, знаменитой, а заодно и от ненавистного отчима избавишься. Прошепчи куриному богу, и всё непременно сбудется. Я бы именно так на твоём месте и сделал.

– Нет, я так не могу поступить ни с Колясиком, каким бы он ни был, ни тем более с мамой. Она будет несчастной без него. Мама его очень любит, я знаю.

– Одумайся, глупая, одумайся, пока не поздно! Ты можешь стать волшебницей, понимать язык животных и птиц, летать по воздуху и становиться невидимой. Одно лишь твоё слово — и ты будешь гораздо могущественней и меня, и всех домашних духов. Решайся!

Оля как заворожённая слушала скрипучий царапающий голос Хата Закутыча. Слово под гипнозом, она медленно,

как будто двигаясь в тяжёлой вязкой воде, поднесла к губам свой волшебный амулет и произнесла:

– Куриный бог, сделай, пожалуйста, так, чтобы моему отчиму Николаю вернулось его человеческое обличье. Пусть он проснётся и забудет это страшное происшествие. Пусть они с моей мамой живут долго и счастливо!

Из отверстия в камушке вылетела самая настоящая синяя магическая искорка и с нежным звоном рассыпалась в воздухе. Позади себя Оля услышала глубокий вздох облегчения и глухой стук. Это упал в обморок несчастный страдалец Колясик. Чёрные щетинки на поросычьей спине стояли дыбом. Он мерно дышал, будто спал, смешно вытянув ножки. После недолгого молчания Хат Закутыч философски заметил:

– Да-а, девочка Оля, сегодня ты всем нам преподнесла большой жизненный урок. И хоть ты уже стала частью нашего скрытого от человеческих глаз мира, но и в него ты принесла человечность. Ведь пожертвовать великой магической возможностью – исполнить любое желание не ради себя, не ради друга, а ради врага, – это ещё более ценно! Благодарю тебя!

– Однако же позвольте вмешаться, многоуважаемый господарь, – вдруг вклинился в пафосный начальственный спич³⁶ Ермошка, нарушив торжественность момента, –

---

³⁶ *Спич – краткая приветственная речь на торжественном обеде, банкете и т.п.*

я бы всё-таки внёс небольшие поправочки, пока не поздно. Пусть всё же свежепревращённому Колясику, когда он вернётся в человечесю породу, дабы усмирить непомерную гордыню, будут являться во снах моменты его сегодняшних приключений.

– Ну что ж, это можно устроить, – понимающе ухмыльнувшись, согласился Хат Закутыч. – А теперь ступайте, Сытный день к концу, и мне на покой пора.

Спун, словно прочитав беззвучную команду хозяина, прыгнул на голову Хата Закутыча и притаился там, в зарослях старых веток и молодых побегов, как тигр в засаде. Засыпая, господарь щёлкнул жилистыми сучковатыми пальцами, и тут же Оля, Ермошка и поросёнок оказались на улице.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛЯСИКА

Глава пятнадцатая, в которой домовята катаются на волшебной карусели, а Колясика везут домой на санках...

Мелкий снежок сыпался с неба на притихшие улочки посёлка, словно сахар из бездонной чашки. В домах не светилося ни одного окна. Посреди двора, прямо на холодной земле мирно посапывал вымотавшийся за бессонную ночь поросёнок.

Ермошка взгляделся в промозглую тьму, прислушался, затем, скептически окинув взглядом спящего, задумчиво произнёс, словно разговаривая сам с собой:

– Охы, и как же прикажете нам тащить ету свиную тушу?.. До дома-то далековато...

Ответом на вопрос явился Мудр Умилыч, что выткался прямо из воздуха перед самым носом домовёнка. Видимо, секретарь решил довести дело до конца, поэтому был сама любезность:

– Могу предложить-с вам сани. Они хоть и совсем старые-с, но для транспортировки заколдованных поросят вполне сгодятся-с.

Оля почему-то совершенно не вовремя вспомнила, что сегодня без спроса заглянула в книгу секретаря и что он,

может быть, уже знает об этом. Ей стало ужасно стыдно, но вида она не подала. «Больше никогда не буду трогать чужие вещи, особенно если это имущество непредсказуемых доможилов, – пообещала самой себе девочка, но тут же в голове засверлил новый вопрос: – Интересно, а Мудрик тоже, наверное, уже в курсе, что они с Ермошкой будущие супруги?!» Оля зарделась стыдливым румянцем и от разоблачения её спасли лишь предрассветный сумрак и то, что всё это время они были весьма заняты, пытаюсь хоть как-то приподнять Колясика.

Усилия были тщетны, и, чтобы взвалить спящего на санки пришлось-таки воспользоваться магией, так как поднять его даже троем доможилам оказалось не под силу, сколько бы они ни пыжились. Однако с помощью всего одной маленькой магической искорки, любезно пожертвованной Мудриком ради общего блага, кабанчик был водружён на санки и примотан к ним старой бечёвкой, дабы не свалился во время перевозки.

После короткого тёплого прощания с Мудром Умильчем домовятам пришлось поднатужиться и толкать гружёные сани вдоль всего переулка. Снег ещё не полностью покрыл мёрзлую землю, и это сильно затруднило их работу.

На полдороге к ним на подмогу прибежал весёлый и ошалевший от свободы Куська. С помощью запряжённого в сани щенка дело пошло куда лучше, и вскоре друзьям удалось доставить Колясика во двор. Разгорячённый

приключениями Куська без труда завёз санки прямо в баню.

В бане было тепло и приятно пахло детским мылом. Кортёж приветливо встретил банник Баламотя, который чрезвычайно обрадовался гостям.

– Баламотыч, принимай свинину на хранение! – деловито приказал Ермошка, как старший мастер ученику. – До утра оставляем под твою ответственность. И гляди за им, он буйный.

– Да что ж я Николая, штоль, не знаю. Помню-помню, кто мою баньку строил, он при мне уже дверь-то навешивал,

– добродушно пояснил ба^анник. – Ничо, у меня не забалуешь! До утра не замёрзнет, уж я-то прослежу.

Услышав своё человеческое имя, поросёнок очнулся и приподнял голову. Но едва он только приоткрыл сонные глазёнки, как вновь узрел перед собой всё те же странные существа. Отчаянно хрюкнув, Колясик снова впал в спасительное забытьё.

Да, внешность голого толстого усача величиной с ведро, с ушатом без дна, одетым вместо юбки, помнится, весьма удивил даже Олю, когда та впервые встретила Баламо^тю, а она-то за свою жизнь успела уже повидать множество самых причудливых домашних ду^хов.

– Ермошенька, а он точно обратно в человека превратится? – кивнув в сторону поросёнка, спросила девочка с затаённым страхом.

– Да куды ж ему тепереча деваться? Утро вечера мудренее...

Поручив Баламо^те развязать узлы на бечёвке и не пугать больше несчастного поросёнка своим экзотическим обликом, Оля и Ермошка вышли в притихший от ночных потрясений дворик.

Взгляд Оли случайно упал на прислонённую к стене метлу, которой бабушка мела двор. Где-то там, среди множества прутиков, притаился дворовой, который даже в мышьиной шкуре успел натворить таких дел, что угодил в это жуткое заточение. «Так вот, значит, кто хотел своровать камень куриный бог, теперь всё стало понятно», – догадалась Оля.

Домовёнок перехватил ее потемневший взгляд и вздохнул понимающе. Опустив глаза долу, она тихо задала вопрос, на который вовсе не требовалось ответа:

– А помнишь, как наш Чур^ай любил гонять по двору пыльные карусельки? Как-то он их называл ещё потешно, вроде как «веретёнца»?..

Домовёнка тут же осенила совершенно сумасшедшая идея.

– Да и мы тож могём! А хошь, я тебе, касатка, устрою настоящий осенний бал? Щас так крутнёмся, аж дух захватит.

Оля неопределённо пожала плечами: «Чем ещё можно было её сегодня удивить после магического пари, скачек верхом на курице на глазах у всех доможилов посёлка и других всевозможных чудес Сытного дня?»

Ермошка одним щелчком пальцев сорвал последнюю листву с соседских берёз, оставив их ветви совершенно голыми. Золотые резные листики пролились на домовят ласковым потоком. Но, видимо, это было только начало сюрприза. В глазах домовёнка зажёгся таинственный огонь, и он заговорщицки произнёс:

– Веретёшки-веретёшки,
покатайте нас немножко!

Ветер подхватил листву и закрутил по двору большую воронку-торнадо. Воздушная карусель крутилась почти

на одном месте посреди двора, поэтому никаких существенных разрушений не принесла.

В ту же секунду Оля и Ермошка сделались такими маленькими, что уместились на одном берёзовом листе, словно на ковре-самолёте. У Оли от восторга перехватило дыхание. Это был самый захватывающий аттракцион в её жизни.

Она никогда ещё не каталась на такой огромной и быстрой карусели. На юге мама, опасаясь за дочь, не разрешила ей даже промчаться на «Весёлых горках». По её мнению, это, видите ли, небезопасно для ребёнка! Поглядела бы она сейчас на дочурку величиной с жучка, взмывающую по воздуху на берёзовом листе!

Вверх по спирали и тут же резко ухнуться вниз. Двор, забор, окна, метла, кадка, полная дождевой воды, – всё крутилось, мелькало, вытягивалось в один длинный мазок из разноцветных полос.

По обычным человеческим меркам, соотнесительно с теперешними Олиными размерами, она поднималась и опускалась на высоту стоэтажного небоскрёба, при этом бешено крутясь. Но, как ни странно, ей не было страшно, ведь рядом с ней был надёжный друг, который крепко держал её за плечи, а значит, с ней не может случиться ничего плохого.

Они кричали и хохотали громко, во всё горло, совершенно не сдерживая эмоций. Оля чувствовала себя абсолютно

свободной, совсем не как там, в той обычной суетной школьно-бытовой жизни, где нужно терпеть даже самые неинтересные уроки, не шуметь и поднимать руку, если хочешь что-то сказать.

Таких сильных переживаний Оля не испытывала, даже когда во время скачек перелетала верхом на Рябе разверзшуюся под ногами пропасть. Ветряная круговерть поднимала их листик выше крыш сараев и самого дома, а затем по воздушному серпантину роняла вниз, непрерывно вертя совершенно счастливых домовят.

В один прекрасный момент Оле даже показалось, что в её ушах зазвучала красивая, немного печальная мелодия.

– Это кончился Сытный день, точнее, уже и ночь к концу подошла, скоро рассвет.

С этими словами лиственная канитель утихла, и жёлтый лист послушно доставил домовят на крыльцо родного дома, где к ним вернулись и их привычные размеры. Оля вновь стала первоклассницей среднего роста, а Ермошка, чуть выше вязаной куклы Варюшки, сидел теперь у неё на плече.

– Ну что? Пора на боковую? Будем посыпохивать да Сытный день в голове укладывать.

– Ермошечка, а можно, мы в следующий раз ещё вот так же летаем, а? – осторожно поинтересовалась Оля, которой очень понравилось крутиться среди лиственной канители на невообразимой скорости.

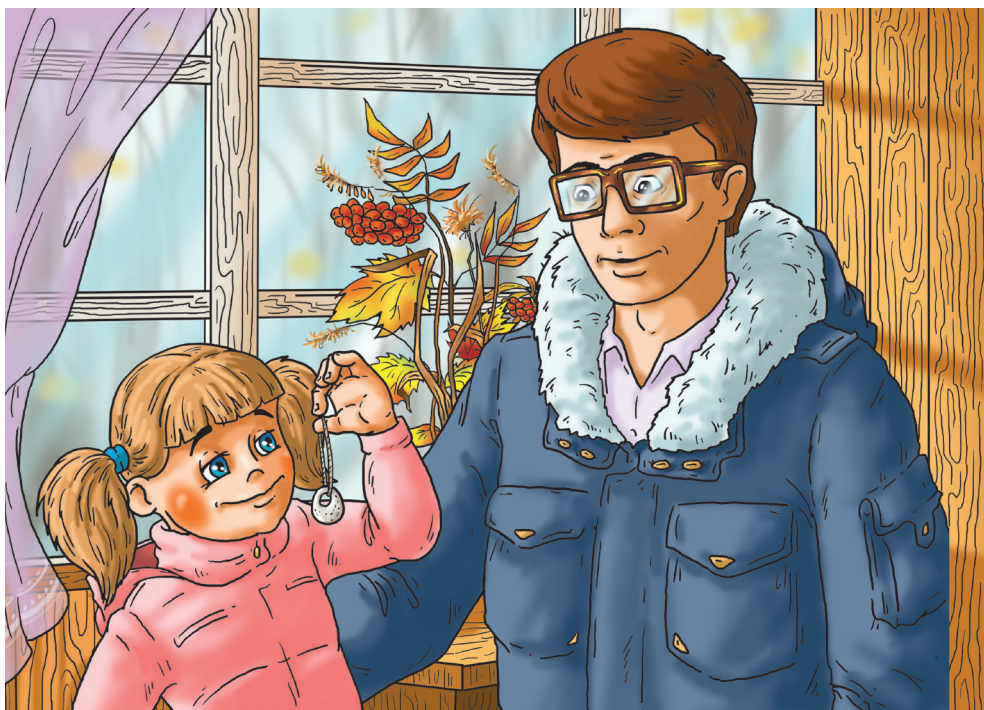

– Ишь ты, барыня какая! – засмеялся домовёнок. – Угомонись ужю! Следующее твоё служение на декабрь падает, так что будем подворье к Новому году готовить, по старинному уставу, как дедами заведено.

Утром, ни свет ни заря, в дом заявился Колясик, был он в своём привычном – человечьем, а не свином – обличье. Однако с первого же взгляда было понятно, что это уже вовсе не тот надменный и холёный пижон, каким он был раньше. Бледный, перепуганный, вздрагивая от любого шороха, он поведал, что очнулся в бане и совсем не помнит, как вчера там очутился. Мало того что его дорогостоящий плащ за одну ночь истрепался и перепачкался, в довершение ко всему Колясик был опоясан старой бечёвкой, о происхождении которой тоже ничего вразумительного пояснить не смог.

Бабушка не стала ругаться, а предложила чая с оладушками и вареньем. Когда к завтраку вышла Оля, то увидев Колясика, от радости запрыгала и захлопала в ладоши. Тот же вдруг как-то странно сжался, смутился и покраснел до кончиков ушей. «Надо же, а я и не подозревала, что Колясик умеет краснеть!» – удивилась про себя девочка.

Оля пила горячий чай, который разливал внутри живительное тепло. Вместе с тем она почувствовала, как что-то меняется у неё внутри, словно таяла в сердце колючая льдинка. Вместо ожесточения и презрения к этому неле-

пому уже человеку, а не поросёнку прорастало в ней добро и сострадание.

Потом они вместе звонили маме и дружно успокаивали её, а мама на другом конце провода то плакала, то смеялась.

Когда Колясик стал суетливо собираться восвояси, Оля вышла в сени проводить его. Он притих и с затаённым страхом слушал падчерицу.

– Дядь Коля, я хотела извиниться за то, что убежала из школы, не предупредив. Но мне, правда, срочно-срочно

нужно было. Вы, наверное, долго ждали? Простите меня, пожалуйста, так получилось.

Взгляд Колясика потеплел, глаза его ожили и улыбались Оле.

– Да ничего, бывает. Давай только маме ничего не скажем, – примирительно предложил отчим.

Они обнялись на прощание как настоящие друзья.

– Вот это вам от меня. Подарок, – девочка протянула смущённому Колясику свой амулет, камешек на верёвочке – куриный бог.

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. После моря. Глава первая, в которой Оля возвращается домой после отдыха на море с удивительной находкой..... 5*
- Глава 2. Засада. Глава вторая, в которой друзья заключают сделку с дворовым Чураем Калиткиным, который не желает быть товарищем 13*
- Глава 3. Дурацкие провожалки. Глава третья, в которой Оля готовится к «Осеннему балу», домовёнок Ермошка почему-то очень сердит..... 25*
- Глава 4. «Осенний бал». Глава четвёртая, в которой Оля впервые в жизни переживает сценический успех, а после заступает на домовое служение 37*
- Глава 5. Великий гнев маленького человечка. Глава пятая, в ней очень много яростного гнева как человеческого, так и нечеловеческого, который приводит к совершенно невообразимым последствиям 49*

Глава 6. Кошмарная новость. Глава шестая, в которой Оля узнаёт нечто столь ужасающее, что заставляет её пожалеть даже собственного врага 59

Глава 7. Бахтало Колоброд. Глава седьмая знакомит читателя с одним из последних конюшенных духов, не пожелавшим покинуть город и воссоединиться с родным табором 66

Глава 8. Благородная игра. Глава восьмая, в которой дворовые решили в свой праздничный день по-соседски поиграть в хорошую настольную игру и что из этого вышло..... 76

Глава 9. Чёрный поросёнок. Глава девятая, в которой Оля и Ермошка понимают, что вернуть Колясику его прежний вид будет не так-то просто 86

Глава 10. Магическое пари. Глава десятая, в которой куры ведут себя самым странным образом, но, несмотря на это, в сарае заключается магическое пари 96

Глава 11. Совецание в часах. Глава одиннадцатая, в которой дворовой в образе мышонка приходит в темницу к ужасным сараешникам 106

Глава 12. Скачки. Глава двенадцатая, в которой происходит решающий заезд всадников, однако скачки завершаются весьма неожиданно 115

Глава 13. Суровый приговор. Глава тринадцатая, в которой оглашаются не только результаты магического пари, но и кое-кому выносится суровый приговор 125

Глава 14. Хат Закутыч. Глава четырнадцатая, в которой решается судьба несчастного поросёнка, а Оля узнаёт о своей невероятной способности 132

Глава 15. Возвращение Колясика. Глава пятнадцатая, в которой домовята катаются на волшебной карусели, а Колясика везут домой на санках 145

Юлия Анатольевна Нифонтова

ЕРМОШКА ДОБРОДЕШ
и куриный бог

СКАЗКА

Художник: А. И. Ермолович
Редактор: Т. П. Берглизова
Корректор: Н. Л. Гриневич
Вёрстка: Ю. А. Кобзева

Подписано в печать 16.11.2021. Формат 70x90x1/16
Гарнитура PetersburgС. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 650.

Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»
656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28
Телефон 8 (3852) 63-79-71, e-mail: zakaz@adp.alt.ru

Юлия Нифонтова - *автор книги*
художник - **Александр Ермолович**

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru